

КНЯЗЬ П. И. БАГРАТИОНЪ. (*)

(Статья четвертая.)

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1806—1812 г.

XVIII.

Положеніе дѣлъ въ Валахіи; злоупотребленія дивана.—Переимѣна правительства въ Валахіи.—Внутреннее состояніе этого княжества въ концѣ 1809 года.

Послѣ покоренія крѣпости Браилова, князь Багратионъ предполагалъ сосредоточить всѣ будущія военныя операціи на правомъ своемъ флангѣ, сдѣлавъ Валахію и Букарестъ центральнымъ пунктомъ арміи. Для успѣшнаго дѣйствія, ему необходимо было пользоваться средствами княжествъ по продовольствію, отъ успѣшнаго и исправнаго доставленія котораго зависятъ весьма часто успѣхъ или неудача цѣлой кампаніи. Между тѣмъ, требованія главнокомандующаго исполнялись весьма медленно. Интриги и внутренніе раздоры въ княжествахъ рождали множество препятствій къ скорому исполненію требованій князя Багратиона, клонившихся къ удовлетворенію нуждъ и потребностей арміи.

Неуплата значительной суммы денегъ, слѣдуемыхъ на содержаніе госпиталей, медленная поставка хлѣба въ войска были явными доказательствами несостоятельности валахскаго дивана. Несмотря на неоднократныя и самыя строгія предписанія князя Багратиона, дѣло подвигалось весьма мало впередъ. Онъ

(*) См. „Военный Сборникъ“ №№ 11 и 12-й 1864 г. и № 1-й 1865 г.
Т. ХLI. Отд. II.

приказывалъ, напримѣръ, привести почты по Валахіи въ надлежащій порядокъ и устройство; но диванъ вовсе о томъ не заботился. Почты находились въ такомъ дурномъ положеніи, что ихъ этимъ именемъ и назвать было невозможно. Нерадѣніе валахскаго правительства простиралось такъ далеко, что почтовыхъ лошадей вовсе не кормили, и посылаемые курьеры должны были терпѣть частыя остановки въ дорогѣ, по неимѣнію лошадей. Пересѣченная множествомъ рѣкъ, которыя въ глубокую осень раздвигались на обширное пространство и уносили съ собою мосты, Валахія представляла тогда печальную картину для проѣзжаго.

Земское правительство хотя и видѣло, что транспорты, шедшіе къ арміи, останавливались за дурными дорогами, но не заботилось о томъ, чтобы скорѣе возстановить сообщеніе, построить мосты или, наконецъ, принять мѣры для переправы транспортовъ на паромахъ. Словомъ, безпорядки были такъ велики, что заставляли сомнѣваться, есть ли въ Валахіи какое-нибудь правительство.

До свѣдѣнія князя Багратіона нѣсколько разъ доходило, что чиновники, употребляемые валахскимъ диваномъ для сбора и покупки у обывателей хлѣба, платили бѣднымъ жителямъ гораздо низшую цѣну противъ той, которая была назначена; что, не довольствуясь этими злоупотребленіями, тѣ же самые чиновники принимали хлѣбъ не иначе, какъ полторы четверти за одну. Кромѣ всей подобной неурядицы, между именитыми людьми Валахіи происходили ссоры, имѣвшія иногда результаты въ ущербъ нашимъ интересамъ. Вестіаръ дивана, Филипеско, былъ въ открытой враждѣ съ Варлаамомъ, бывшимъ каймаканомъ князя Ипсиланти. Образовались двѣ партіи, враждебныя другъ другу. Филипеско подозрѣвался въ сношеніяхъ съ турками и греками, преданными турецкому правительству. Онъ отличался нерасположеніемъ къ Россіи, такъ что еще покойный главнокомандующій, князь Прозоровскій, хотѣлъ выслать его на жительство въ Яссы. Вступивъ въ званіе главнокомандующаго, князь Багратіонъ думалъ привести въ исполненіе удаленіе Филипеско, но, убѣжденный предсѣдательствующимъ въ диванѣ сенаторомъ Кушниковымъ, оставилъ его, по прежнему, въ Букарестѣ. Впослѣдствіи до главнокомандующаго стали опять доходить слухи насчетъ сношеній Филипеско; но, безъ явныхъ уликъ, князь Багратіонъ не хотѣлъ предпринимать ни-

что приличнѣе всего. Если бы то или было, все ваше безпорядки не могли быть полезны для нашихъ интересовъ. Князь Баграціонъ думалъ, послѣ переезда войскъ на лѣвую сторону Дуная, самъ прѣѣхать въ Букарестъ и употребить лично все уединеніе къ прекращенію на будущее время безпорядковъ въ краѣ; но оставленіе арміи на правомъ берегу Дуная побудило его отложить свое намѣреніе до болѣе удобнаго времени. Онъ просилъ отправиться въ Букарестъ сенатора Кушниковъ.

„Любовь ваша — писалъ онъ ему — къ правосудію повсемѣстно извѣстна. Личнымъ присутствіемъ вашимъ введете вы надлежащій порядокъ и дѣятельность во всехъ частяхъ правительсва, доосмотрите усердныхъ, побудите нерадивыхъ и накажете виновныхъ. Интриги, при близости вашей, мѣста жить не могутъ, ибо при васъ всякъ отъ оныхъ воздержится, а если бы оныя и открылись, то имѣете вы все способы изслѣдовать тотчасъ на мѣстѣ истину, предать виновнаго суду и тѣмъ самымъ прекратить зло. Такимъ образомъ весьма много сносительствовать будете вы пользамъ Государя Императора и его арміи. А потому и прошу васъ, коль скоро составите вы съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Чевкинымъ планъ всего въ обезпеченію продовольствія арміи на будущую кампанію нужнаго, отправиться въ Букарестъ и приступить къ приведенію въ дѣйствіе всего мною описаннаго.

„Я знаю, что переѣздъ сей, по причинѣ семейнаго состоянія вашего и потому, что вы ожидаете увольненія отъ настоящаго поста, для васъ затруднителенъ, но вы сами усмотрите, что мнѣ инаго ничего не остается дѣлать и что существенныя пользы Государя и отечества, коимъ, какъ я давно знаю, вы охотно всемію жертвуете, непремѣнно того отъ васъ требуютъ.

„Недѣли черезъ двѣ думаю я быть въ состояніи урваться отсюда на короткое время и побывать дня на два въ Букарестѣ; но я заблаговременно удостовѣренъ, что вы останите мнѣ только удовольствіе благодарить васъ за все труды ваши и за попечительность вашу и возложите на меня пріятную обязанность свидѣтельствовать о всемъ томъ передъ престоломъ монаршимъ.“ (50)

Кушниковъ однако не поѣхалъ въ Букарестъ. Онъ отвѣчалъ тѣмъ, что ему поручено было нашимъ правительствомъ

(50) Отъ Баграціона къ Кушникову, отъ 1-го декабря 1809 года, № 1,190.

рассмотрѣть просьбы, поданныя обывателями на высочайшее имя, о возвратѣ просителямъ имущества, купленныхъ ими у турокъ, при вступленіи въ княжества русскихъ войскъ. Онъ сослался на высочайшій указъ 20-го октября на его имя, по которому на его обязанность возложено было наблюдене въ исправной поставкѣ Молдавію 125 четвертей хлѣба для арміи, независимо отъ той поставки, которую были обязаны земли сдѣлать отъ урожая настоящаго года. Успѣшная же поставка такого количества въ Валахіи была возложена на отвѣтственность тамошняго вице-президента. Кромѣ того Кушникову поручено было позаботиться объ усиленіи въ Молдавіи разработки соли и объ учрежденіи запасовъ оной для пограничныхъ губерній. Неудачная садка соли въ крымскихъ озерахъ была причиною принятія мѣры о доставленіи ея изъ Молдавіи. Кушниковъ заключилъ контрактъ на покупку одного милліона пудовъ и дѣлалъ распоряженія объ отправленіи ея въ Россію.

Ко всемъ этимъ занятіямъ прибавлялись еще порученія князя Багратіона по перевозкѣ хлѣба изъ молдавскихъ магазиновъ въ Гирсово и въ Валахію. „Дѣло это учреждено по возможности такимъ образомъ, что весь край приведенъ въ движеніе и всѣ подводы молдавскія подняты. Нужно непременно неусыпное имѣть наблюденіе, чтобы составъ сей, такъ сказать, машины не ослабѣлъ. Личное присутствіе начальника много тому способствовать можетъ, и въ семъ отношеніи я признаю мое пребываніе здѣсь необходимымъ, полагая, впрочемъ, съ увѣренностію, что управляющій валахскимъ княжествомъ, вице-президентъ тамошняго дивана, генераль-маіоръ Энгельгардтъ, по званію военного генерала, имѣетъ въ рукахъ своихъ лучшіе и вѣрнѣйшіе способы исполнять по Валахіи всѣ повелѣнія вашего сіятельства экзекуціоннымъ порядкомъ и, слѣдовательно, съ большою удобностію, нежели я, хотя бы и личное имѣлъ пребываніе въ Букарестѣ.“⁽⁵¹⁾ На самомъ дѣлѣ валахскій диванъ обращалъ весьма мало вниманія на своего вице-президента и вовсе не слушалъ его приказаній и требованій. Кушниковъ же сослался на свою болѣзнь и не ѣхалъ въ Букарестъ, гдѣ однимъ личнымъ своимъ присутствіемъ не надѣялся дать лучшаго теченія дѣлу въ валахскомъ диванѣ, а полагалъ необ-

⁽⁵¹⁾ Кушниковъ къ Багратіону отъ 9-го декабря 1809 года, Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

ходившимъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, устроить тамъ управление „строгое, побудительное, взыскательное, *словами—военное*“.

Получивъ отказъ Кушниковъ отправиться въ Бухарестъ, князь Багратионъ вторично его просилъ объ этомъ; но Кушниковъ донесъ, что онъ болѣнъ и отправиться не можетъ. Въ-стѣ съ тѣмъ онъ сообщалъ главнокомандующему о просьбѣ, поданной имъ министру иностранныхъ дѣлъ, объ увольненіи его отъ должности председателя дивановъ Молдавіи и Валахіи. Князь Багратионъ просилъ тогда императора Александра о назначеніи на его мѣсто другаго. Извѣстіе о желаніи Кушникова оставилъ тотъ край заставило многихъ жителей Молдавіи и Валахіи просить о назначеніи на его мѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стурдзу. Просьба, переданная самимъ Стурдзою лично графу Румянцеву, не встрѣтила со стороны нашего правительства пріятствія. Князь Багратионъ не былъ однакожь такъ податливъ на эту просьбу, подписанную многими лицами, просившими о назначеніи Стурдзы отъ имени народа. Хотя большая часть подписавшихъ и принадлежали къ лицамъ почтеннымъ и пользовавшимся уваженіемъ, но всѣ они были родственники Стурдзы. Главнокомандующій обращалъ особенное вниманіе нашего правительства на то обстоятельство, что въ просьбѣ не было ни одной подписи лицъ изъ другихъ фамилій, какъ, напримѣръ, Гиковъ, которые составляли въ Яссахъ другую партію, совершенно противоположную по своимъ интересамъ фамиліи Стурдзовъ и ихъ родственниковъ. На основаніи этихъ соображеній, князь Багратионъ полагалъ, что правленіе Стурдзы не могло отличаться безпристрастіемъ, а, напротивъ того, могло возбудить неудовольствіе между партіями и только увеличить безпорядки.

„Сверхъ того—доносилъ онъ—наддежить намъ, по мнѣнію моему, стараться мало по малу въ управленіи сихъ княжествъ приближаться къ законамъ и обычаямъ россійскимъ, а я не думаю, чтобы г. Стурдза имѣлъ основательныя объ оныхъ познанія. Притомъ же сомнѣваюсь я крайне, чтобы онъ могъ пріобрѣсть себѣ отъ валахскихъ бояръ то уваженіе, которое потребно для точнаго и успѣшнаго исполненія распоряженій и требованій верховнаго правительства.“ (52) Отклоня назначеніе

(52) Князь Багратионъ графу Румянцеву отъ 13-го января 1810 г., № 26.

Стурдзы, князь Багратионъ просилъ извѣстѣ съ тѣмъ назначенія русскаго чиновника, и притомъ какъ можно скорѣе. Онъ ссылался на „плачевное состояніе“ Валахій и на то, что для успѣховъ оружія нашего необходимы большія пособія съ земли, правительство которой существовало только по имени.

Пока проходило время въ назначеніи преемника Кушникову, главнокомандующій самъ прѣѣхалъ въ Бунаресть и лично началъ изслѣдовать причины злоупотребленій и безпорядковъ. Валахское правительство отклонялось отъ поставки для войскъ провіанта и ячменя, ссылаясь на недостатокъ ихъ у жителей. Оказалось, что недостатокъ этотъ вымышленный. Еще съ октябрина мѣсяца, по невозможности доставить хлѣбъ изъ Молдавіи и изъ-за Днѣстра, князь Багратионъ предложилъ войскамъ, бывшимъ на лѣвой сторонѣ Дуная, принять продовольствіе на себя, и многіе полки согласились на предложеніе главнокомандующаго, находя его очень удобнымъ для себя. Это уже прямо указывало, что хлѣбъ въ землѣ есть, и притомъ въ изобиліи. Когда послѣдовалъ высочайшій указъ отъ 20-го октября, по которому повелѣно было собрать съ земли опредѣленное количество хлѣба въ контрибуцію, то валахскій диванъ, съ утверженія предсѣдателя, положилъ собрать эту повинность деньгами, на поставку же хлѣба заключилъ контрактъ по цѣнамъ весьма дорогимъ. Князь Багратионъ уничтожилъ контрактъ и поручилъ Засоу приискать лицъ, желающихъ поставить хлѣбъ. Черезъ нѣсколько дней охотники нашлись и согласились поставить его за болѣе дешевую цѣну и въ меньшій срокъ.

Другой предметъ, на который князь Багратионъ обратилъ свое вниманіе, были госпитали. Кромѣ того, что деньги, слѣдующія отъ дивана, вносились кое-какъ и оставались всегда въ недоимкѣ, самое помѣщеніе больныхъ встрѣчало большія затрудненія со стороны валахскаго правительства и рождало всегда обширную переписку, весьма обременительную для больныхъ, остававшихся безъ всякаго пристанища. Несмотря на то, что Букарестъ былъ окруженъ лѣсами и кустарниками, госпитали оставались зимою не топленными по десяти и болѣе дней. Очень естественно, что потеря въ людяхъ нашей арміи много зависѣла отъ леченія въ не топленныхъ комнатахъ, которыя стали нагрѣваться только за нѣсколько дней до прибытія князя Багратиона въ Букарестъ.

Въ исходѣ декабря, въ то время, когда главная квар-

тира была еще въ Гирсовѣ, главнокомандующій получилъ жалобу о притѣсненіи диваномъ народа и о дѣлаемыхъ имъ сборахъ. Жалоба эта была подписана первенствующими духовными чинами и нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ бояръ; а всего замѣчательнѣе то, что въ числѣ подписавшихъ были нѣкоторые члены дивана. Всѣ единогласно указывали на Филиппеско, какъ на главнаго представителя дивана и главнаго виновника всѣхъ безпорядковъ и притѣсненій. Они требовали смѣны его и назначенія слѣдственной комиссіи, въ которую и были впослѣдствіи назначены предсѣдателями генераль-майоры Бахметьевъ и Назимовъ. Во время поѣздокъ своихъ въ разные мѣста и различными путями князь Багратионъ старался лично всмотрѣться въ положеніе края. Розысканія эти обнаружили всю неблаговидность поступковъ дивана. „Надлежало бы написать — доносить Багратионъ императору Александру — цѣлую книгу, когда бы хотѣть изобразить во всей ясности тѣ исторженія, тѣ несправедливости и тѣ притѣсненія, которыя себѣ валахское правительство позволяло и которыя довели обывателей до отчаянія.“ (33)

Всѣ эти притѣсненія, всѣ несправедливые поборы и истязанія, которымъ подвергались жители Валахіи, съ возмутительнымъ безстыдствомъ со стороны своего правительства, громко приписывались требованіямъ русской арміи, и „такимъ образомъ успѣли правители земли усердіе и преданность обывателей къ російскому солдату обратить въ ненависть и злобу“.

Изъ малой Валахіи также прибыли къ князю Багратиону два члена тамошняго дивана, которые представили ему описаніе множества притѣсненій въ томъ краѣ отъ чиновниковъ букарестскаго дивана. Прекращеніе такихъ безпорядковъ было настоятельною потребностію какъ для благосостоянія жителей, такъ и для русской арміи, въ томъ краѣ расположенной. Перемѣна членовъ дивана была необходима. „Весьма сомнительно — писалъ Фонтонъ князю Багратиону, отъ 8-го декабря 1809 года — чтобы бояре управляющіе были къ намъ преданны. Имъ однакожь, хотя бы изъ благодарности, надлежало быть намъ преданными, ибо мы позволяемъ имъ грабить безнаказанно. Они притворяются, будто вздыхаютъ о народномъ бѣдѣ“.

(33) Донесеніе государю отъ 3-го февраля 1810 г. № 98. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

ствіи, и имѣютъ безстыдство приписывать сіе расходамъ, принимаемымъ арміею. Но достовѣрно то, что земля сія при хорошемъ управленіи могла бы содержать армію вдвое многочисленнѣе. Бѣдность есть токмо слѣдствіе ихъ грабительствъ. Никогда земля сія не была такъ угнетена при греческихъ государяхъ. Почему ваше сіятельство не перемѣните расположенія вашего къ боярамъ, коимъ ввѣрили управленіе? Почему оно не можетъ быть лучше ввѣрено российской комиссіи....“

Между тѣмъ, князь Багратионъ не имѣя свѣдѣній о личныхъ качествахъ и о достоинствѣ тамошнихъ бояръ, не могъ самъ собою опредѣлить тѣхъ или другихъ членовъ въ диванъ, и потому призналъ лучшимъ собрать всѣхъ наличныхъ первоклассныхъ бояръ валахскихъ и приказалъ имъ самимъ избрать достойнѣйшихъ въ составъ дивана, управлявшаго краемъ.

„Я старался—говоритъ онъ⁽⁵⁴⁾—проникнуть и изслѣдовать источники зла: старанія сіи обнаружили мнѣ картину, ужащающую самое человѣчество. Я упомяну здѣсь только о нѣкоторыхъ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ, которыя однакожь достаточно покажутъ, до какой неимоверной степени простирается зло.

„Если Монархъ нашъ приноситъ въ жертву кровь российскихъ подданныхъ своихъ для спасенія и избавленія народовъ здѣшнихъ отъ ига, коему они доселѣ подвержены были, то сама малѣйшая и самая священная обязанность сихъ послѣднихъ состоитъ въ продовольствіи защитниковъ ихъ вѣры, ихъ жизни, ихъ чести и ихъ имущества. Но и въ томъ обнаруживаются большія препятствія, причину коихъ не могу я отнюдь приписать настоящему недостатку способовъ земли по превратному управленію. Доказательства въ истинѣ сего заключенія весьма очевидны. Ибо во время правленія турецкаго Валахія обязана была доставлять произведенія земли не только въ Константинополь, но и пашамъ, аянамъ и городамъ, на правомъ берегу находящимся, и такимъ и инымъ способомъ доставляла безъ притѣсненія пропитаніе, по примѣрному исчисленію, по крайней мѣрѣ на 500,000 человѣкъ. Какимъ же образомъ теперь не въ состояніи она прокормить 50,000 человѣкъ? Причиною тому, конечно, не земля, не сельскіе обыватели, но либо недостатокъ

(54) Въ своемъ воззваніи къ боярамъ. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. № 69.

добрѣй воли, либо порочное управленіе. Въ 1808 году диванъ княжества Валахіи обязался поставить 315,000 четвертей провіанта и ячменя, но въ теченіе времени и въ томъ нашедъ невозможность, и, по просьбѣ его, третья часть убавлена. Въ 1809 году диванъ не восхотѣлъ поставить и того количества, которое поставлено въ 1808 году, ссылаясь все на измуреніе обывателей. Диванъ отозвался, что ячменя вовсе поставить не можетъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто обыватели онаго вовсе не сѣяли, когда, напротивъ того, въ то же время, изслѣдованіе на мѣстѣ и опыты удостовѣрили, что не только хлѣба, но и ячменя въ покушку пріобрѣсть можно.

„Невзирая на всѣ тѣ неосновательные предлоги, правительство русское, давая вѣру представленіямъ дивана, назначило продовольствовать войска съ помощію отъ государственной казны и требовало отъ земли только перевозки провіанта и фуража, но и въ томъ, по разнымъ препятствіямъ, отъ внутренняго правительства происходящимъ, успѣть не могло.

„Законъ христіанскій возлагаетъ на насъ обязанность пещись о страждущихъ собратіяхъ нашихъ. Предмѣстникъ мой, усмотрѣвъ и по сей части большую безпечность земскаго правительства, опредѣлилъ отъ обоихъ княжествъ взносъ деньгами на госпитали, предоставляя попеченію дивана единственно содержаніе строеній и ихъ отопленіе. Какое же понятіе о человѣчествѣ и любви къ ближнему можетъ преподавать то, что деньги отъ княжества Валахіи, на госпитали слѣдующія, не вносятся по надлежащему, что больные военнослужители не могутъ обрѣсти потребнаго помѣщенія и что госпитали по пяти, шести и болѣе дней оставались въ зимнее время безъ отопленія? Никакое въ семъ случаѣ извиненіе мѣста имѣть не можетъ и никакое оправданіе правительства принято быть не можетъ.

„Всѣ сіи и многія другія обстоятельства представляютъ съ полною ясностію, до какой степени простирается недостатокъ доброй воли настоящаго правительства въ исполненіи его обязанностей къ Россіи.

„Но теперь обращусь къ другому предмету, равнымъ образомъ полное мое вниманіе на себя обратившему.“

Жалобы, дошедшія до главнокомандующаго, и личныя его удостовѣренія, привели его къ убѣжденію, что народъ, на который падала вся тягость войны, былъ въ конецъ разоренъ. Ближайшее изслѣдованіе дѣла показало, что причиною нищеты

народа были чиновники дивана. Диванъ княжества Валахій, вмѣсто сбора хлѣба натурою, подъ предлогомъ невозможности уравнить эту подать, опредѣлили сборъ денежный и потомъ у тѣхъ же самыхъ крестьянъ покупалъ хлѣбъ по определенной цѣнѣ принужденнымъ образомъ. Но зло сіе еще не было бы велико, если бы подобное распоряженіе дивана исполнялось добросовѣстно; на самомъ дѣлѣ до рукъ землевладѣльца никогда не доходила та цѣна, которая была опредѣлена диваномъ, но всегда половинная или еще менѣе. Когда русскіе главнокомандующіе требовали поставки подводъ, то исправники и имъ подчиненныя власти увеличивали требованія, чтобы имѣть возможность отпустить тѣхъ, которые захотятъ откупиться деньгами. Взиманіе установленныхъ податей, каковы: *дисмерита*, *винерита*, *оерита* и проч., дѣлалось совершенно произвольнымъ. Онѣ взымались въ иныхъ мѣстахъ втрое, въ другихъ впятеро, а въ иныхъ даже и вдесятеро противъ существовавшей прежде мѣры. Къ увеличенію народнаго бѣдствія служило и то, что всѣ должности по внутреннему правленію земли, отъ первой до послѣдней, продавались и, такимъ образомъ, дѣлались источникомъ для обогащенія тѣхъ, которые въ раздачѣ мѣсть принимали участіе. Съ другой стороны, купившій мѣсто старался скорѣе вернуть затраченный капиталъ, чтобы не быть въ убыткѣ. На кого же обращались его виды? съ кого онъ думалъ пожить? конечно, съ сельскаго населенія. Бѣдному человѣку, хотя бы и одаренному способностями, не было никакой возможности получить мѣсто.

„Вотъ настоящіе источники зла—писалъ Багратіонъ собранымъ боярамъ—и я смѣло могу сказать, что если бы я въ истинѣ оныхъ не удостовѣрился, то отнюдь бы и подумать не могъ, чтобы таковыя злоупотребленія существовали. Человѣчество отъ оныхъ вопіетъ, обыватели лишены безопасности, ихъ собственности, трудами приобрѣтенной; земля въ концѣ разоряется и истощается, набѣги усиливаются и край опустошается; вмѣсто населенія, вмѣсто изобилія, коими бы страна сія, по дарованному отъ Бога плодородію, отличаться должна, всюду видны однѣ пустыни или разсѣянные обыватели, на лицахъ коихъ изображены нищета и отчаяніе; плачъ и вопль невинныхъ сиротъ, просящихъ хлѣба, встрѣчаютъ каждаго путешественнаго.

„Какимъ образомъ тѣ, кои наиболѣе въ управленіи земли

сей участвовали, могутъ равнодушно взирать на сіе жалостное положеніе земли и на такіе образомъ могутъ они готовиться отдать въ томъ отчетъ передъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ? Каждая слеза невиннаго обывателя должна, какъ тягостный камень, пасть на совѣсть правителей земли.

„Съ чувствительнымъ содроганіемъ душевнымъ приступилъ я къ сему краткому начертанію: до какой же степени должно раздражать сіе человеколюбивѣйшее сердце нашего Монарха; который, жертвуя всемъ для основанія благоденствія сихъ народовъ и обращая все свое попеченіе въ содѣланію ихъ счастливыми, видитъ и пожертвованія и труды свои столь дурно вознагражденными?

„Но что болѣе всего меня оскорбляетъ, это то, что доведеніе народа до столь жалостнаго положенія самимъ постыднымъ образомъ, въ глазахъ печалію удрученныхъ обывателей, приписывается требованіямъ арміи російской, тогда когда все вышеописанное, на сущей истинѣ основанное, обнаруживаетъ во всей ясности, что не армія російская, но сами управители земли суть виновники угнетенія народа.

„Я не могу себя вообразить причинъ, которыя могли настоящихъ правителей побудить къ столь преступному управленію, нарушающему святѣйшіе законы Воинъ, огорчающему благотворныя распоряженія покровителя края и оскорбляющему чувствованія чести и челоуѣчества. Любовь къ отечеству должна быть для нихъ вещь чужда, равно какъ и обязанности къ оному. Зло, достигнувшее до высочайшей степени, требуетъ пріятія скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ превращенію онаго и къ приведенію всего состава правленія въ лучший порядокъ.

„Чуждый въ землѣ сей, я льщу себя надеждою, что благородное и почетное сословіе первоклассныхъ бояръ княжества Валахія, руководимое вѣрою, преданностію къ своему покровителю, любовію къ отечеству, будетъ мнѣ помогать къ достиженію предначертанной цѣли, которая есть не что иное, какъ благотворная воля нашего Монарха, клонящаяся ко благу всѣхъ вообще обывателей края здѣшняго.

„На сей конецъ и собрано мною сіе почтенное сословіе, которому и предлагаю приступить теперь же въ присутствіи моемъ къ выбору главнѣйшихъ изъ-между себя чиновниковъ къ управленію земли. Я не сомнѣваюсь, что выборъ сословія надѣтъ на людей достойныхъ, способныхъ, безпорочныхъ и истинно

любящих свое отечество. Дабы устранить всякое вліаніе страха, боязни, вражды, зависти, личныхъ уваженій и другихъ побочныхъ причинъ, могущихъ препятствовать безпристрастному выбору, я требую пронаести выборъ по бадотированію.

„Я остаюсь въ полномъ удостовѣреніи, что почтенное сіе сословіе безпристрастнымъ и на сущей истинѣ основаннымъ выборомъ оправдаетъ мою въ оному довѣренность, и въ такомъ случаѣ, буде сіе на самомъ дѣлѣ обнаружится, мнѣ весьма пріятно будетъ утвердить выборъ сословія, долженствующаго съ полною точностію вѣдать способности и качества каждаго изъ сочленовъ своихъ.“ (55)

Выборъ былъ произведенъ, и князь Багратионъ утвердилъ въ различныя должности и аванія тѣхъ, которые были выбраны большинствомъ голосовъ. Новый диванъ образованъ былъ на слѣдующемъ основаніи. Предсѣдателемъ его избранъ митрополитъ молдаво-влахійскій и екзархъ синода Гавріиль. Онъ присутствовалъ въ диванѣ во время пребыванія своего въ Букарестѣ. Кромѣ его присутствовали въ диванѣ, изъ духовенства: митрополитъ валахскій Игнатій и епископъ армянскій Іосифъ. Затѣмъ въ первый диванъ или въ такъ называемый диванный комитетъ назначенъ первымъ членомъ бано Дмитрани Раковица, вторымъ — ворникъ Евстратій Кричулеско, и третьимъ — вестіаръ Константинъ-Варлаамъ, на котораго собственно и была возложена должность вестіара.

Находя, что ежегодная перемѣна въ должностяхъ чиновниковъ, на которыхъ лежала часть полицейская и правительственная, рождала множество неудобствъ, князь Багратионъ опредѣлилъ назначеніе ихъ безсрочнымъ. Такъ какъ званіе вестіара требовало всегдашняго и непремѣннаго пребыванія въ Букарестѣ, а, между тѣмъ, вкоренившіяся злоупотребленія, по которымъ исправники и подчиненныя имъ лица, различными и противозаконными изворотами, притѣсняли и манурили сельское населеніе, требовали серьезныхъ мѣръ, то главнокомандующій учредилъ должность втораго вестіара. Онъ опредѣлилъ на эту должность ворника Михаила Мамо. Обязанность его состояла въ томъ, чтобы трижды въ годъ объѣзжать всѣ 12 цыкутовъ (округовъ или уѣздовъ) Валахія, входить на мѣсць въ раасмотрѣніе образа управленія и поступковъ исправниковъ и имъ

(55) Отъ 24-го января 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. № 72.

подчиненныхъ лицъ и наблюдать за точнымъ и скорымъ исполненіемъ требованій „верховнаго правительства россійскаго и предписаній дивана“. Въ помощь къ нему или „сотоварищество“ назначался русскій штабъ-офицеръ, имѣвшій точно такія же права и обязанности. Оба вестіара были совершенно равны какъ въ правахъ, такъ и въ чинахъ, и второй вестіаръ, во время нахождения своего въ Бухарестъ, обязанъ былъ присутствовать въ первомъ диванѣ. Должность его также назначена безсрочною.

Въ судебное отдѣленіе дивана назначены: ворникомъ верхней части — ворникъ Константинъ Кричулеско; ворникомъ нижней части — ворникъ Радуль Слатинянъ; въ должность третьяго — ворникъ логофетъ Иванъ Коменіанъ; четвертаго — логофетъ Георгій Слатинянъ; въ должность логофета верхней части — вестіаръ Теодораки Вакареско; ворникомъ аль-обштимеларъ — ворникъ Манолаки; логофетомъ нижней части — логофетъ Дмитраки Раковица; въ должность секретаря — ворникъ Григорій Гика.

„Что принадлежитъ до опредѣленія чиновниковъ — сказано въ предписаніи князя Ваграціона дивану⁽⁵⁶⁾ — въ департаменты изъ восьми и изъ семи судей, въ криминальный департаментъ, въ должности великаго армаша, ари и ворника полиціи, то я предлагаю первому дивану безъ потери времени представить мнѣ на каждое мѣсто по два кандидата, изъ которыхъ бы я могъ избрать тѣхъ, которыхъ признаю достойнѣйшими.“

Опредѣливъ составъ дивана и всего правленія княжествъ Валахіи, главнокомандующій въ то же время назначилъ жалованье каждому служащему, обративъ предварительное вниманіе на доходы и расходы княжества и на величину повинности каждаго сельскаго обывателя.⁽⁵⁷⁾

„Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ“, говоритъ русская пословица. Такъ было и съ княземъ Ваграціономъ. Чѣмъ больше онъ входилъ въ подробности какъ управленія, такъ и состоянія Валахіи, тѣмъ болѣе открывалось злоупотребленій. Разбой и грабежи существовали повсемѣстно. Если диванъ и не принималъ въ нихъ участія, то потворствовалъ имъ, не принимая никакихъ рѣшительно мѣръ къ ихъ искорененію.

⁽⁵⁶⁾ Отъ 27-го января 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

⁽⁵⁷⁾ См. приложение X.

Бодре, забравъ своихъ слугъ, отправлялись на дневной грабёжъ; распущенные войска Инсиланти грабили; грабили въ уездѣ, въ городѣ и даже въ самой столицѣ; грабили днемъ и ночью. Полиція бездѣйствовала. Если и попадались преступники, то только тѣ, которые были пойманы самими обывателями. Рабобойники поступали столь дерзко, что наводили на жителей цѣлаго селенія необъятный ужасъ. Извѣстie объ одномъ рабобойникѣ заставляло иногда бѣжать и скрываться все селеніе. Отчаяніе достигало до того, что въ малой Валахіи, на примѣръ, нѣкоторыя селенія цѣликомъ бѣжали въ турецкія владѣнія. Такое состояніе дѣлъ принудило князя Багратіона просить разрѣшенія императора Александра подвергать пойманныхъ преступниковъ строгому наказанію. Онъ просилъ позволенія вѣшать ихъ на мѣстахъ преступленій или же сослать въ Сибирь въ каторжную работу.

Обманъ, насиліе, всякаго рода интриги и увертки считались дѣломъ правильнымъ и законнымъ. Нерѣдко и само правительство, какъ составленное изъ подобныхъ же лицъ, поощряло ихъ. Въ Валахіи существовали постановленія, дававшія нѣкоторыя льготы австрійскимъ подданнымъ. Такъ, на примѣръ, австрійскіе подданные платили меньше въ пользу судей и съ провозимыхъ ими товаровъ, податей вовсе не платили и не обязаны были никакимъ воинскимъ построеньемъ въ домахъ, которые они имѣли въ княжествахъ. Эти льготы, весьма выгодныя сами по себѣ, конечно, привлекали и природныхъ жителей: валахи безпрестанно принимали австрійское подданство. Диванъ не находилъ въ этомъ затрудненій и невыгодъ: разрѣшалъ каждому встрѣчному переходъ какъ въ австрійское подданство, такъ и обратно. Это опять заставило главнокомандующаго просить наше правительство запретить подобный переходъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться война съ турками.

Въ такомъ положеніи была Валахія и таковы были мѣры, принятыя княземъ Багратіономъ. Послѣднимъ его дѣломъ на пользу жителей Валахіи было удовлетвореніе ихъ просьбы о назначеніи комиссіи для изслѣдованія злоупотребленій прежняго дивана, и въ особенности представителя его Филипеско, и о наказаніи виновныхъ. Комиссія была назначена. О результатахъ ея мы постараемся сказать въ своемъ мѣстѣ.

XIX.

Прибытіе черногорскаго архимандрита Филиповича въ главную квартиру.—Цель его прибытія.—Черный Георгій желаетъ вступить въ переговоры съ Австріею.—Собраніе старейшинъ въ хасанъ-пашинской паланкѣ.—Письмо Милленди Стойко-вича къ Черному Георгію.—Постановленіе собранія.—Отправленіе новыхъ депутатовъ въ главную квартиру.—Ихъ просьба.—Внутреннее состояніе Сербіи.—Новая жалоба Чернаго Георгія на Родофиникина.

7-го октября 1809 года явился къ князю Багратиону черногорскій архимандритъ Филиповичъ, извѣстный по многимъ услугамъ, оказаннымъ имъ во время послѣдней войны съ французами, за что онъ и былъ награжденъ императоромъ Александромъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Онъ объявилъ князю Багратиону, что посланъ депутатомъ къ высочайшему двору, и представилъ главнокомандующему прошеніе, которымъ былъ снабженъ отъ верховнаго вождя, Чернаго Георгія, и совѣта народнаго, на имя государя императора. Входя въ подробное разсужденіе о томъ, въ какомъ положеніи находилась въ то время Сербія, князь Багратионъ, на аудіенціи, высказалъ Филиповичу, что, при извѣстномъ его усердіи и любви къ сербскому народу, пребываніе его въ Сербіи можетъ быть гораздо полезнѣе, нежели поѣздка въ С.-Петербургъ, которая удалила бы его изъ Сербіи на весьма продолжительное время. Архимандритъ Филиповичъ согласился съ мнѣніемъ князя Багратиона и, рѣшившись остаться въ главной квартирѣ, отправилъ прошеніе въ С.-Петербургъ съ нашимъ курьеромъ. Онъ первый привезъ нашему главнокомандующему достовѣрныя извѣстія о началѣ рѣшительнаго и довольно успѣшнаго отступленія турокъ изъ Сербіи. Соображаясь съ этими извѣстіями, князь Багратионъ предписалъ тотчасъ же (7-го октября) Милорадовичу, чтобы онъ отправился въ малую Валахію, вошелъ въ подробное разсмотрѣніе положенія тамошнихъ дѣлъ, стараясь развѣдать въ точности о силахъ и расположеніи непріятели, и вмѣстѣ съ генерал-майоромъ Исаевымъ опредѣлить бы на мѣстѣ тѣ средства и способы, при помощи которыхъ можно было бы дать сербамъ „дѣятельное пособіе“. Послѣдующія донесенія Родофиникина доставили князю Багратиону еще болѣе утѣшительныя извѣстія. Сербія стала совершенно свободна отъ турокъ, и войска сербскія заняли опять всѣ тѣ мѣста, которыя были въ рукахъ ихъ во время перемирія и до начатія войны, не исключая и Делиграда, кромѣ только Бирзо-паланки и Кладова.

Рѣшившись дать помощь Сербіи и соображая всѣ обстоятельства, отъ которыхъ зависѣло исполненіе намѣренія, князь Багратіонъ полагалъ также, вмѣстѣ съ переправою войскъ въ Сербію, отправить туда и архимандрита Филиповича. „Тогда прибудетъ онъ къ сербамъ—писалъ князь Багратіонъ графу Румянцеву ⁽⁵⁸⁾—при довершеніи просьбы и главнѣйшаго желанія народа и можетъ наиболѣе способствовать къ полному и совершенному возстановленію довѣренности и приверженности къ намъ народа. А какъ между старѣйшинами сербскими есть нѣсколько человекъ, и именно: Младенъ, Милое и Юговичъ, которые вашему сіятельству и по перепискѣ покойнаго главнокомандующаго уже извѣстны и которые наиболѣе причиняли внутренніе раздоры, несогласія и недовѣренность къ намъ, то Филиповичъ, и по сану своему и по пріобрѣтенной имъ въ народѣ довѣренности, наиболѣе споспѣшествовать можетъ къ ихъ устраненію и къ прекращенію на будущее время всѣхъ золъ и пагубныхъ послѣдствій, отъ интригъ и корыстолюбія ихъ происходившихъ.“

Архимандритъ Филиповичъ оставался однакожь довольно долго при главной нашей квартирѣ, такъ какъ предположенная княземъ Багратіономъ экспедиція въ Сербію, какъ увидимъ ниже, по многимъ причинамъ, не могла состояться. Только въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ отправленъ былъ въ Краіовъ, къ отряду генералъ-маіора Исаева, съ которымъ долженъ былъ перейти въ Сербію, гдѣ пребываніе его главнокомандующій считалъ полезнымъ, особенно тогда „когда бы возродились между старѣйшинами сербскими новыя интриги, противныя интересамъ нашимъ“, такъ какъ нельзя было надѣяться, чтобы партія, одержавшая верхъ въ Сербіи, осталась на долгое время во главѣ правленія и не встрѣтила бы какихъ-либо новыхъ потрясеній отъ интригъ ея недоброжелателей и лицъ, искавшихъ власти въ странѣ. Отдавая Филиповича въ полное распоряженіе Исаева, употреблять его тамъ, гдѣ онъ найдетъ присутствіе его болѣе полезнымъ, князь Багратіонъ приказалъ, съ переходомъ нашихъ войскъ въ Сербію, отпускать Филиповичу столовыя деньги отъ 20 до 25 червонцевъ въ мѣсяцъ.

Младенъ и Милое руководили Чернымъ Георгіемъ, а слѣдовательно и управляли дѣлами всего сербскаго народа. Тотъ же архимандритъ Филиповичъ объявилъ сначала Родофиникину, а потомъ

⁽⁵⁸⁾ Отъ 23-го октября, № 1,123. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

и князю Ваграціону, что, на разсвѣтъ 16-го августа, землинскій комендантъ пріѣхалъ въ Бѣлградъ и что Черный Георгій, по возвращеніи съ квартиры Родофиникина, въ тотъ же день, по утру, напелъ коменданта въ своемъ домѣ. Это посѣщеніе показывало прямо, что комендантъ былъ приглашенъ Чернымъ Георгіемъ прежде нежели онъ узналъ объ отъѣздѣ Родофиникина изъ Бѣлграда. Верховный вождь Сербіи, привыкшій видѣть все въ преувеличенныхъ размѣрахъ, очень естественно видѣлъ опасность, которой подвергалась Сербія съ нашествіемъ турокъ, гораздо въ большей степени, нежели она была на самомъ дѣлѣ. Не видя явной помощи отъ Россіи, онъ сгоряча готовъ былъ кинуться въ объятія каждаго, кто могъ быть въ глазахъ его полезнымъ въ первый моментъ. Ближе Австріи не было никого, къ кому онъ могъ обратиться, да и лучше ея, по внушеніямъ Младена, никого для Сербіи не могло быть. Не переговоривъ съ Родофиникинымъ, онъ послалъ за землинскимъ комендантомъ секретаря своего Стефу Евтича, который, пріѣхавъ 15-го августа, въ Землинъ, былъ у коменданта.

„Все сіе открываетъ—писалъ Родофиникинъ—что во время тяжкаго положенія сербовъ, отъ быстрыхъ побѣдъ, одержанныхъ надъ ними турками, Черный Георгій, по настоянію Младена съ товарищами (ибо лично онъ никогда не можетъ принять никакой рѣшимости, по свойственному ему характеру), имѣлъ уже намѣреніе, сдѣлавъ что-либо противъ російской миссіи, дать несумнительное доказательство австрійцамъ о расположеніяхъ своихъ и просить ихъ покровительства, которое онъ считалъ вѣрнымъ, вслѣдствіе прежнихъ дѣйствій австрійскаго министерства. Сіе даже явствуетъ въ письмѣ, писанномъ имъ коменданту Добрынцу, гдѣ онъ именно пишетъ, что если Россія ихъ оставитъ, то есть у нихъ кто будетъ имъ покровительствовать.“⁽⁵⁹⁾

Сколько однакожь ни были расположены нѣкоторые сербскіе старѣйшины къ соглашенію съ австрійцами, при тогдашнемъ, критическомъ положеніи своемъ, однако, зная сербскій народъ, можно было быть увѣреннымъ, что, съ минованіемъ грозы, при отступленіи турокъ, сербы не согласятся ни за что быть подданными Австріи или искать ея покровительства. Скорѣе можно было предположить, что успѣхъ ихъ оружія дастъ имъ

⁽⁵⁹⁾ Отъ 11-го октября. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.
Т. XLІ. Отд. II.

идею о томъ, что они въ состояніи одни бороться съ турками, и тогда каждый сербъ думалъ бы не о подданствѣ, а о свободѣ, не ограниченной никакимъ покровительствомъ. Народъ если и соглашался на покровительство, то искалъ его въ Россіи; но, застращенный жестокостями Чернаго Георгія, молчалъ и не высказывалъ своего неудовольствія на безпрестанныя бросанія своего вождя изъ стороны въ сторону, отъ одного государства къ другому.

„Ужась однако, вперенный въ нихъ (сербовъ) свирѣпостію Чернаго Георгія, не иначе можетъ уничтожиться, какъ по появленіи російскихъ войскъ въ предѣлахъ сербскихъ: тогда каждый откроетъ ротъ и будетъ говорить свободно то, что мыслить, а теперь должно говорить то, что угодно говорить Младену съ товарищами, ибо сіи кого не могутъ убить явно, умерщвляютъ разбойнически, такъ какъ сіе уже дѣлали съ многими. Одинъ комендантъ Миленко, по положенію своему на маломъ островѣ Поречъ, находясь въ возможности открывать прежде всякаго другаго козни, не страшится ихъ.“

Не одинъ, впрочемъ, Миленко былъ возстановленъ противъ Младена и Милое, и не одинъ онъ былъ недоволенъ какъ порядкомъ, такъ и внутреннимъ управленіемъ Сербіи. Многіе поглавари, именно: Яковъ Ненадовичъ, Миланъ Обреновичъ, воевода Велько и другіе, были одного мнѣнія съ Миленкомъ, и если они воздерживались отъ междоусобныхъ распрей, то только благодаря стараніямъ Родофиникина. Съ отъѣздомъ его изъ Бѣлграда, имъ предстояло обширное поле для дѣйствій. Турки оставили Сербію. Сербія была свободна отъ непріятельскихъ вторженій, и каждый изъ старѣйшинъ думалъ теперь о достиженіи собственной своей единичной цѣли, и только весьма немногіе заботились о благѣ народа. Черный Георгій велъ переговоры съ Австріею, открыто говорилъ передъ народомъ, что Россія продала Сербію туркамъ и что поэтому, не надѣясь на помощь Россіи, сербамъ слѣдуетъ искать другой помощи. Онъ посылаетъ своего секретаря Стефу Евтича на австрійскую сторону, въ Петервардеинъ, къ тамошнему губернатору, для переговоровъ о присоединеніи Сербіи къ австрійскимъ владѣніямъ. Послѣ этого свиданія, появляются въ Сербіи два австрійскихъ офицера, присланные будто для закупки хорошихъ египетскихъ жеребцовъ для австрійскихъ конныхъ заводовъ, но на самомъ дѣлѣ ѣздить по всей Семендріи, отыскивая Чернаго Георгія.

Не найдя его, они отправили ему письмо, въ которомъ просиди какъ можно скорѣе прѣхать къ нимъ на свиданіе. Черный Георгій отвѣчалъ, чтобы они обождали дней пятнадцать, пока онъ соберетъ всѣхъ старѣйшинъ и совѣтъ народный, съ которыми переговоривъ дастъ имъ рѣшительный отвѣтъ. Не надѣясь на благоприятный отвѣтъ, австрійскіе офицеры оставили Сербію.

Младенъ возбуждаетъ въ Черномъ Георгіи ненависть къ нѣкоторымъ поглаварямъ, особенно пользующимся расположеніемъ народа. По внушенію его, верховный вожь Сербіи пишетъ ⁽⁶⁰⁾ вновь назначеннымъ комендантамъ: Іовѣ Стефановичу, Михаилу Становичу, Ильѣ Байракторовичу и Петру Чади, письма, въ которыхъ высказываетъ желаніе, чтобы убили Миленку и приняли команду надъ его войсками. Миленку успѣли увѣдомить, и онъ, принявъ противъ этого мѣры, успѣлъ разрушить планы Младена. Тогда Младенъ прибѣгаетъ къ новымъ средствамъ: онъ уговариваетъ Чернаго Георгія собрать совѣтъ старѣйшинъ для обсужденія будущаго положенія Сербіи и отвѣтъ Австріи.

Въ хасанъ-пашинской паланкѣ назначено было „сомнице“, и Черный Георгій разослалъ приглашеніе старѣйшинамъ. Въ числѣ ихъ былъ и Миленко Стойковичъ, который однакожь туда не поѣхалъ, а отвѣчалъ Черному Георгію слѣдующимъ письмомъ ⁽⁶¹⁾:

„Ваше письмо отъ 29-го сентября, въ коемъ пишете, что собраніе народное дѣлать будете въ хасанъ-пашинской паланкѣ, на каковое и меня приглашаете, и чтобы туда приспѣлъ въ субботу 2-го октября, сегодня я получилъ. Ежели бы и обстоятельства мнѣ позволяли, то на тотъ день поспѣть не могъ бы, по причинѣ, что письмо ваше поздно ко мнѣ дошло.

„Я думаю, что послѣ толикихъ бѣдъ, кои мы претерпѣли, научились мы познавать: кто каковъ, кто наклоненъ къ пользѣ, а кто ко вреду отечества нашего, и по мѣрѣ доброты и зла возмездовать и осуждать. Теперь же съ прискорбіемъ сердца вижу, что прошедшія наши бѣдствія ничего насъ не научили, да и вѣщія того не могли бы научить, развѣ—сохрани Боже—гибель. Вы тому нѣсколько дней писали здѣш имъ новымъ комендантамъ, чтобы меня убили здѣсь, въ Поречѣ. Благодареніе милостивому Провидѣнію, что спасло меня. Что же бы со мною

⁽⁶⁰⁾ Отъ 7-го сентября: Арх. министертва иностранныхъ дѣлъ.

⁽⁶¹⁾ Отъ 5-го октября изъ Пореча.

послѣдовало, ежели бы я пошелъ между тѣхъ, кои посягаютъ и на вашу голову, не боясь ни Бога, ни людей? Пощадили ли бы они меня? Господарь! не награждаются такъ вѣрные сыны отечества, но награждаются: золъ зломъ, а добръ добромъ. Пока будете вы слушаться тѣхъ, коихъ до сего вы слушались и съ ними совѣтывались, и доколѣ ихъ не истребите, дотолѣ ни на какой совѣтъ съ вами не приступлю, ни къ вамъ не приду. Справедливое дѣло написано на сердцѣ всякаго добраго патріота; оправданіе ему не нужно.“

На предстоящемъ собраніи у хасанъ-папинской паланки желало присутствовать очень много народа. Между сербами ходили слухи, что народъ и присутствующіе намѣрены были потребовать отъ Младена и Милое отчетъ въ расходованіи денегъ, отпущенныхъ въ ихъ руки на народныя надобности. Здѣсь же сербы думали заявить своимъ старѣйшинамъ, что они не намѣрены болѣе воевать съ непріателемъ до тѣхъ поръ, пока не увидятъ между себя русскихъ начальниковъ, которые бы руководили ими, и пока русское войско не появится въ Сербіи. Младенъ и Милое, предугадавшіе намѣренія народа, не явились на собраніе: Младенъ остался въ Бѣлградѣ, а Милое уѣхалъ, и никто не зналъ куда. На собраніи дѣйствительно народъ потребовалъ ихъ къ отвѣту и, не найдя ихъ налицо, отправился въ Бѣлградъ, „чтобы судить ихъ“. Единодушно устранивъ Младена и Милое отъ *всѣхъ дѣлъ и навсегда*, собраніе избрало новыхъ полномочныхъ или депутатовъ отъ лица всего народа. Выборъ палъ на Милана Обреновича, коменданта Рудницкой нахи, архимандрита Мелентія, который также былъ и комендантомъ, и на Петра Добрынца. Такимъ образомъ, можно сказать, что эти три лица были первые депутаты, выбранные самимъ сербскимъ народомъ, а не сторонниками той или другой партіи старѣйшинъ. Снабдивъ ихъ письмами, собраніе отправило ихъ къ князю Багратиону. Цѣль новой депутации состояла въ просьбѣ: 1) воинской помощи, 2) принятія Сербіи подъ непосредственное управленіе Россіи, 3) возвращенія Родофинигина въ Сербію и, наконецъ, 4) назначенія комиссіи, которая обзрѣла бы положеніе сербскихъ дѣлъ. „Народъ и старѣйшины, внося сію послѣднюю статью, имѣли въ виду то, чтобы содѣлалось извѣстнымъ высочайшему двору поведеніе ихъ предводителя и неспособность его ими управлять.“

Въ правительствующій совѣтъ народа сербскаго собраніе общимъ голосомъ опредѣлило главными членами извѣстнаго валевакаго коменданта Якова Ненадовича, Милана Обреновича и Петра Добрынца, изъ которыхъ первый остался въ Сербіи, а два послѣдніе посланы полномочными.

Удовлетворить вполне желанію сербскаго народа, выраженному полномочными, не было никакой возможности. Принятіе Сербіи подъ непосредственное управленіе Россіи было не согласно съ видами нашего кабинета. Императоръ Александръ объявилъ еще гораздо ранѣ этой просьбы, что ни въ какомъ случаѣ и никогда Россія не станетъ и не должна вмѣшиваться во внутреннее управленіе Сербіи. Онъ даже предполагалъ, даже при самомъ счастливомъ исходѣ военныхъ дѣйствій, когда Порты Отоманская согласится на всѣ наши условія, не распространяя своей власти на Сербію, предоставить ей устроить свое внутреннее управленіе „согласно видамъ и желаніямъ самого народа“.

На возвращеніе Родофинигина въ Сербію князь Багратионъ изъявилъ согласіе, но только тогда, когда перейдутъ туда наши войска.

Принятая система невмѣшательства очевидно препятствовала согласиться на четвертый пунктъ просьбы сербовъ: о назначеніи комиссіи для обозрѣнія положенія сербскихъ дѣлъ; тѣмъ болѣе, что Россія не имѣла тогда въ виду ничего, кромѣ матеріальной помощи сербамъ и сохраненія въ народѣ того вліянія, которое она имѣла и которое для нея было необходимо въ политическомъ отношеніи, при непріязненныхъ дѣйствіяхъ съ турками. Смѣна верховнаго вождя, Чернаго Георгія, при томъ положеніи дѣлъ, въ какомъ находилась тогда Сербія, могла быть скорѣ пагубна, чѣмъ полезна для страны. Несмотря на сильное желаніе народа, наше правительство не могло согласиться на его смѣну, потому что, съ одной стороны, за Чернаго Георгія говорили семилѣтніе труды его на освобожденіе сербскаго народа отъ турецкаго ига и пріобрѣтенная имъ опытность, хотя онъ и былъ извѣстенъ за человека чрезвычайно суроваго, весьма легковѣрнаго и мало свѣдущаго; съ другой стороны, выборъ новаго предводителя произвелъ бы новые раздоры и интриги между старѣйшинами, и безъ того добивавшимися власти и первенства въ Сербіи, и даже могъ способствовать успѣхамъ чуждыхъ внушеній.

Вмѣстѣ съ приглашеніемъ въ главную квартиру Сербскихъ депутатовъ, князь Багратионъ вызвалъ къ себѣ и Родофиникина, бывшаго въ то время въ Краіовѣ. Родофиникинъ пріѣхалъ 12-го декабря и представилъ главнокомандующему полученное имъ отъ депутатовъ письмо ⁽⁶²⁾. Сами депутаты пріѣхали въ Гирсово, гдѣ находился князь Багратионъ, только 19-го декабря, и на слѣдующій день представили свою просьбу главнокомандующему.

„Нужды и бѣдствія — говорилось въ ней — которыя народъ сербскій претерпѣвалъ до сего дня и нынѣ терпитъ, принудили оный сдѣлать собраніе и какъ съ нашимъ верховнымъ предводителемъ, такъ и съ нами всѣми, поглаварями, посовѣтоваться и изыскать главнѣйшія причины нуждъ и бѣдствій, кои насъ угнетаютъ, и постараться таковыя причины, препятствовавшія нашему счастью, устранить. При каковомъ изысканіи народъ исключилъ навѣки отъ дѣлъ народныхъ домашнихъ нашихъ враговъ Младена и Милое, ибо они были главною причиною нашего несчастія. Насъ же, нижеподписавшихся, послали къ г. Родофиникину, который у насъ былъ и которому извѣстны и прошедшія и настоящія наши бѣдствія, съ тѣмъ, дабы онъ насъ направилъ къ вашему сіятельству, нашему милостивому защитнику, просить милости и покровительства, кои намъ были обѣщаны многократно Августѣйшимъ Монархомъ, нашимъ покровителемъ, чрезъ посредство главнокомандующаго и г. Родофиникина, и на кое мы твердо донынѣ надѣялись, что ни въ какомъ случаѣ нужды наши не будутъ забвенны и дастся намъ помощь. Для того мы отъ народа посланы съ поля собранія и избраны для вищшей вѣрности, яко извѣстные изъ поглаварей, дабы всепокорнѣйше просить: 1) Скорѣйшую помощь отъ вашего сіятельства, коею бы народъ освободился и утѣшился на славу всеавгустѣйшаго Императора. 2) Потерявъ всю нашу аммуницію, просимъ всепокорнѣйше приказать намъ дать таковую. 3) Если невозможно, какъ намъ то объясняетъ г. Родофиникинъ, принять насъ подъ совершенное управленіе всеавгустѣйшаго нашего покровителя, то въ такомъ случаѣ увѣренъ будучи народъ сербскій, что всемилостивѣйшее благорасположеніе и воля Его Императорскаго Величества Сербію не запомнать и счастливою сдѣлать при заключеніи мира. По-

(62) См. приложение XI.

ручили намъ всепокорнѣйше просить ваше сїятельство при таковомъ заключенїи мира предупредить правительствующій совѣтъ нашъ и позволить народу прислать своихъ депутатовъ къ вамъ, дабы могли дать объясненїя по дѣламъ, кои будутъ трактоваться о Сербїи при мирѣ, и на таковой случай никакихъ другихъ депутатовъ не принимать, кромѣ тѣхъ, кои будутъ имѣть довѣренность отъ предводителя сербскаго и отъ совѣта народнаго, съ утверженіемъ г. Родофиникина. 4) Поручено намъ отъ народа и то представить, что легко быть можетъ и таковой случай, что какія-либо письма посланы были въ другія государства, объ коихъ ни народъ, ни благомыслящіе поглавари ничего не знаютъ. Для сего покорнѣйше просимъ ваше сїятельство, Бога ради, во имя народа, какъ нашего всенароднаго благодѣтеля, дабы таковыя письма надлежащимъ образомъ были уничтожены и незначущи, ибо легко случиться могутъ по несчастію нашему, поелику мы, всѣ поглавари, и самъ предводитель народный неграмотны и просты, а потому яко безъ свѣдѣнїя нашего и народа ничего не значать. 5) Именемъ народа покорнѣйше просимъ, дабы благосозволили послать гарнизонъ въ Бѣлградъ, покрайней мѣрѣ доколѣ порядочно устроится, если онъ долѣе тамъ оставаться не можетъ. 6) А мы, во имя народа, свято передъ Богомъ общаемъ, всѣ поглавари народные, съ народомъ и предводителемъ нашимъ, совокупно всеавгустѣйшей монаршей волѣ неотступно повиноваться и также слѣпо повиноваться и слушать повелѣнїя вашего сїятельства, который побѣдами своими надъ турками довольно уже насъ облегчилъ. Наконецъ имѣемъ честь представить при семъ письмо, которое мы получили отъ нашего предводителя съ нарочнымъ и изъ коего легко усмотрѣть можете, колико нужно поспѣшить къ намъ въ помощи, дабы положить конецъ угрозамъ враговъ нашихъ и подспуднымъ проiscaмъ сосѣдей нашихъ, кои не могутъ равнодушно смотрѣть на наше благополучіе.“ (63)

Черный Георгій увѣдомлялъ депутатовъ о томъ, что онъ получилъ извѣстїе отъ присланнаго со стороны Австріи, что эта послѣдняя держава приняла на себя ходатайство по дѣламъ Сербїи у константинопольскаго двора, обѣщаясь домирать сербовъ съ султаномъ и устроить ихъ границы. Съ другой сто-

(63) Отъ 20-го декабря 1809 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

роны, Гуршидъ-паша требовалъ отъ Чернаго Георгія категорическаго отвѣта о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ: желаетъ ли онъ помириться съ турками, или нѣтъ? ⁽⁶⁴⁾ Верховный вождь Сербіи не зналъ что дѣлать: принять ли предложеніе Австріи, или отклонить его. Онъ рѣшился писать депутатамъ, прося ихъ какъ можно скорѣе увѣдомить о результатѣ своей миссіи. „Но вы укрѣпляютъ такъ—писалъ онъ—чтобы крѣпко было и постоянно, или чтобы мы принялись за другихъ людей пораньше, чтобы намъ не потерять потомъ времени.“ ⁽⁶⁵⁾

Князь Багратионъ старался объяснить сербамъ, что желаемая ими воинская помощь будетъ дана имъ въ самомъ непродолжительномъ времени, такъ какъ уже сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія къ переходу войскъ за Дунай. Съ своей стороны, главнокомандующій просилъ депутатовъ принять самыя дѣятельныя мѣры къ собранію и вооруженію сербскаго войска и о помощи корпусу русскихъ войскъ тѣми потребностями, которыя могла доставить земля, какъ, напримѣръ, подводами для перевозки провіанта, фуража и т. п. Онъ объявилъ депутатамъ, что сдѣланы распоряженія о доставленіи имъ вновь транспорта разныхъ воинскихъ снарядовъ и потребностей; что государь императоръ, разъ обѣщавшій Сербіи свое покровительство, не оставитъ ихъ и въ будущемъ, „коль скоро токмо старѣйшины и поглавари устранять всѣ внутренніе раздоры, будутъ дѣйствовать единодушно къ преднамѣреваемой цѣли и не станутъ внимать побочнымъ внушеніямъ, клонящимся единственно къ ихъ порабощенію“.

Князь Багратионъ объявилъ также, что гарнизонъ русскій можетъ быть присланъ въ Сербію только тогда, когда назначенный въ Сербію отрядъ переправится черезъ Дунай. Относительно писемъ Гуршида-паши къ Черному Георгію и этого послѣдняго къ Милану Обреновичу, главнокомандующій сказалъ депутатамъ, что первое по своему содержанію ясно указываетъ, что турки намѣрены достигнуть угрозами того, чего они не въ состояніи достигнуть силою оружія; что они хотятъ только устрашить сербовъ и поработить ихъ однѣми угрозами, и что потому если они послушаютъ турокъ, то рискуютъ подвергнуться гораздо худшей участи, чѣмъ та, которая была до возстанія:...

⁽⁶⁴⁾ См. приложение XII.

⁽⁶⁵⁾ См. приложение XIII.

— Турки хотятъ теперь скрыть — говорилъ главнокомандующій — что дѣйствіе русской арміи на правой сторонѣ Дуная принудило ихъ отступить изъ Сербіи, въ чемъ однакожь и сами благоразумные сербы признаются. Тѣ же турки часъ отъ часу болѣе удостовѣряются, что силы ихъ дѣйствіямъ арміи российской противостоятъ не могутъ и даже сербовъ поработить не въ состояніи, пока послѣдніе ограждаются силою оружія російскаго.

Депутаты, повидимому, согласились съ мнѣніемъ князя Багратиона.

— Въ разсужденіи же обѣщаній императора австрійскаго — продолжалъ главнокомандующій — письмо Чернаго Георгія никакого вниманія не заслуживаетъ. Обѣщанія эти могли имѣть мѣсто во время войны Россіи съ Австріею, но теперь, когда прежняя дружба и согласіе возстановлены и миръ Франціи съ Австріею заключенъ единственно по сильному желанію и посредству государя нашего, то, конечно, императоръ австрійскій не захочетъ отнюдь вмѣшиваться въ дѣла Россіи, до него не касающіяся.

„Во всѣхъ моихъ разговорахъ съ сербскими депутатами — писалъ князь Багратионъ (66) — старался я внушить и дать имъ уразумѣть, что одно покровительство Его Величества избавило ихъ отъ совершеннаго порабощенія, коему Сербія подвергалась неоднократно, и особливо въ прошедшую кампанію, и что одно сохраненіе того покровительства, поступками народу покровительствуемому приличными, можетъ быть основаніемъ благоденствія Сербіи на будущія времена, напротивъ чего лишеніе того покровительства неминуемо повлечетъ за собою несчастіе и гибель.“

„Депутаты казались увѣренными въ сей истинѣ, обнаруживали большую приверженность къ Россіи и свято обѣщали не только удалить всѣхъ внутреннихъ враговъ, но слѣпо повиноваться и исполнять распоряженія верховнаго правительства російскаго.“

Желая расположить еще болѣе депутатовъ въ пользу Россіи, князь Багратионъ подарилъ архимандриту брильянтовый перстень въ 900 руб., а двумъ другимъ депутатамъ золотыя сабли съ надписью „за храбрость“. Кромѣ того онъ поручилъ

(66) Къ графу Румянцеву отъ 29-го декабря, № 1,276. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

Родофиникину, дней за десять до перехода нашихъ войскъ въ Сербію, послать панагію и золотой крестъ тамошнему митрополиту Леонтію, пользовавшемуся особеннымъ уваженіемъ и вліяніемъ на народъ.

На слѣдующій день депутаты отправились обратно въ малую Валахію, а оттуда въ Сербію.

Между тѣмъ, главнокомандующій, соображая всѣ существенныя надобности сербскаго народа, пришелъ, во-первыхъ, къ тому, что при открытіи военныхъ дѣйствій сербы будутъ нуждаться въ средствахъ, и потому приказалъ отпустить въ распоряженіе Родофиникина 3,000 червонныхъ; а во-вторыхъ, зная, что сербы нуждаются въ соли, которую вывозятъ изъ Австріи, приказалъ, чтобы всѣмъ поселянамъ, пріѣзжающимъ изъ Сербіи на берегъ Дуная къ малой Валахіи на своихъ лошадяхъ, для покупки собственно для себя соли, отпускать ее безпрепятственно, но не болѣе какъ отъ 50 до 100 окъ каждому. Купцамъ же, которые покупали соль для продажи, онъ разрѣшилъ отпускать въ большемъ количествѣ, но не иначе, какъ по предъявленіи отъ совѣта народнаго свидѣтельства, за подписью Родофиникина, въ которомъ должно было быть обозначено, сколько именно купецъ желаетъ купить соли и куда намѣренъ провезти ее для продажи. Этимъ распоряженіемъ князь Багратионъ полагалъ прекратить всѣ сношенія сербовъ съ австрійцами и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у промышленниковъ способы производить невозвратимый вывозъ соли въ турецкія области. ⁽⁶⁷⁾

Въ началѣ ноября получено было извѣстіе, что въ Босніи и Бонялукскомъ уѣздѣ вспыхнуло возмущеніе христіанъ противъ жителей магометанскаго закона, что число вооруженныхъ мятежниковъ простирается до 15,000, но что они не въ силахъ сдѣлать что-нибудь важное, за недостаткомъ воинскихъ снарядовъ. Родофиникинъ находилъ это возмущеніе весьма выгоднымъ для интересовъ сербовъ, если послѣдніе войдутъ въ связь съ возмутившимися христіанами, такъ какъ Сербія будетъ по крайней мѣрѣ ограждена отъ набѣговъ турокъ со стороны Босніи, которая сама по себѣ могла надѣлать много безпокойствъ туркамъ. Основываясь на этомъ, Родофиникинъ полагалъ полезнымъ поощрить возмутившихся босняковъ оказаніемъ

(67) Багратионъ къ графу Румянцеву отъ 20-го декабря, №№ 1,254 и 1,258.

имъ нѣкоторой помощи воинскими припасами. Соглашались съ мнѣніемъ нашего агента, князь Багратионъ не находилъ однакожь возможною какою бы то ни было помощь, такъ какъ всякая доставка, даже и въ Сербію, была подвержена немалымъ затрудненіямъ. Впослѣдствіи, въ бытность Родофиникина въ Гирсовѣ, при личномъ свиданіи съ княземъ Багратиономъ, главнокомандующій разрѣшилъ поощрять сербовъ къ утвержденію связи съ возмущившимися христіянами.

„Теперь—писалъ онъ Родофиникину (68)—по личному моему съ вашимъ превосходительствомъ объясненію о семъ важномъ предметѣ, я предоставляю вамъ употребить тѣ средства, которыя приличнѣйшими признаете къ возбужденію какъ тѣхъ, такъ и другихъ христіанъ Порты къ единодушному дѣйствию съ сербами. Но средства, которыя вы къ тому употребите, должны быть непременно избраны такія, чтобы имя російское, а буде можно и сербское, нигдѣ и ни подъ какимъ видомъ компрометировано не было, но чтобы возбужденіе казалось происходящимъ отъ одинаго собственнаго желанія тѣхъ христіанъ, а отнюдь не отъ побочнаго какого-либо внушенія. Строгое соблюденіе сего необходимаго правила возлагаю не только на точную попечительность, но и на отвѣтственность вашего превосходительства, удостовѣрень будучи, что благоразуміе и опытность ваши въ дѣлахъ преподадутъ вамъ средства къ соглашенію интересовъ нашихъ въ настоящее время съ устраненіемъ вредныхъ на будущее время послѣдствій.“

Мы не могли отыскать въ архивахъ указаній на то, до какой степени развилось это дѣло; можемъ только сказать, что въ концѣ ноября Родофиникинъ получилъ черезъ австрійскія области письмо отъ князя Ювы Рапковича, который былъ въ 1808 году въ Яссахъ, потомъ пріѣзжалъ въ Сербію, дѣйствовалъ съ Чернымъ Георгіемъ на границахъ Албаніи, избранъ старостою или княземъ сербами, обитавшими около Сеницы и Новаго Вароша, и наконецъ, въ 1809 году, присутствовалъ въ совѣтѣ сербскомъ въ качествѣ депутата отъ этихъ двухъ городовъ.

Въ письмѣ своемъ (69) Рапковичъ, описывая несчастное положеніе соотечественниковъ, просилъ о пожалованіи въ Россіи земли для поселенія всѣхъ сербовъ, вышедшихъ изъ Ал-

(68) Отъ 24-го декабря 1809 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

(69) См. приложение XIV.

бани и Босніи и число которыхъ, по его показаніямъ, простиралось отъ 30,000 до 40,000 семействъ. Въ случаѣ же, если это будетъ невозможно, просилъ онъ при заключеніи мира исходатайствовать имъ у Порты Отоманской прежнія привилегіи. Въ этомъ любопытномъ письмѣ онъ подробно объяснилъ все то, что сербы албанскіе и боснійскіе претерпѣвали отъ другихъ сербовъ.

Входя въ подробное обсужденіе вопроса, наше правительство не рѣшилось согласиться на просьбу Рапковича, такъ какъ переселеніе сербовъ могло возбудить еще большіе безпорядки; могла родиться даже междоусобная война, которая еще болѣе ослабила бы Сербію. Все это было причиною, что наше правительство поручило Родосиникину внушить „приличнымъ образомъ князю Рапковичу, что настоящія военныя обстоятельства дѣлаютъ совершенно невозможнымъ переселеніе его соотечественниковъ въ Россію и что онъ гораздо болѣе обнаружитъ свое усердіе и преданность къ Его Императорскому Величеству, если возбудитъ начальствуемыхъ имъ выходцевъ изъ Албаніи къ единодушному и совокупному ихъ съ прочими сербами ополченію противъ враговъ вѣры христіанской.“ (70)

— Кто будетъ защищать эти границы? спрашивалъ Яковъ Ненадовичъ въ лозницкомъ лагерѣ, по удаленіи турокъ.

Онъ завѣдывалъ обороною тамошнихъ мѣстъ.

— Тотъ, кто и прежде, отвѣчалъ Черный Георгій.

— Ну, нѣтъ—воскликнулъ Яковъ—пусть попробуютъ тѣ, которые думаютъ обойтись безъ иноземной помощи: они только накликаютъ намъ враговъ.

Онъ указалъ своимъ войскамъ на племянника своего Проту, говоря:

— Я посылаю его къ русскимъ, и онъ привезетъ намъ милостивое слово царское. Но Младену и Милое ни по чемъ царская милость: они сами хотятъ быть царями и королями.

Въ самомъ дѣлѣ, Младенъ и Милое опять овладѣли Чернымъ Георгіемъ, который, обѣщаясь, во время послѣдняго собранія въ хасанъ-пашинской паланкѣ, не предпринимать ничего до возвращенія депутатовъ, посланныхъ въ главную квартиру,

(70) Багратіонъ къ Родосиникину отъ 19-го февраля 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

на самомъ дѣлѣ не исполнилъ своего обѣщанія. Распустивъ собраніе и избавившись отъ опасности, онъ далъ приказаніе со всякой души мужескаго пола собрать по червонцу, обязываясь всѣхъ тѣхъ, которые заплатятъ эту подать, не посылать болѣе противъ турокъ. Немногіе уѣзды покорились однако приказанію своего верховнаго предводителя, хотя никто не смѣлъ открыто указать на незаконность подобнаго распоряженія. Главнѣйшіе поглавари, какъ-то: Миланъ, Петръ Ѳедоровичъ, архимандритъ Мелентій, были въ отсутствіи; Миленко оставался въ Поречѣ, а Яковъ Ненадовичъ, управлявшій тогда совѣтомъ сербскимъ, не осмѣливался одинъ противиться Черному Георгію, окруженному врагами Якова.

Вышнее положеніе Сербіи не было въ такомъ дурномъ состояніи, какъ прежде. По всѣмъ границамъ турки не дѣлали вторженій и поисковъ противъ сербовъ. Со стороны Ниша производилась даже торговля: въ Сербію безпрепятственно провозились турецкіе товары, а изъ Сербіи вывозилось масло, медъ, воскъ и проч. Это видимое и наружное, такъ сказать, ухаживаніе турокъ заставляло многихъ поглаварей бояться, чтобы правительство Порты Оттоманской не обмануло Чернаго Георгія и наружнымъ добрымъ расположеніемъ не довело его до примиренія съ ними, „къ чему по простотѣ своей и легковѣрію, при настоящемъ положеніи дѣлъ, при коемъ онъ въ полной мѣрѣ увѣренъ, что не долженъ ожидать помощи ни откуда, легко поддаться можетъ“. Хотя депутаты писали и верховному вождю, и совѣту народному, что князь Багратіонъ обѣщалъ дать имъ скоро помощь, однако въ Сербіи мало этому вѣрили. Младенъ и Милое публично говорили, что Россія ихъ обманываетъ, и тѣмъ поселяли недовѣріе въ народѣ. Теперь они окончательно завладѣли Чернымъ Георгіемъ, въ особенности послѣ того, какъ онъ выдалъ дочь свою за племянника Младена. По ихъ внушеніямъ, Черный Георгій написалъ письмо къ князю Багратіону, въ которомъ опять жаловался на Родофиникина. Мы видѣли, что присланные депутаты просили князя Багратіона о возвращеніи Родофиникина въ Сербію. Такое возвращеніе не могло быть пріятно ни Младену, ни Милое. Мѣшая имъ распоряжаться по своему произволу, Родофиникинъ былъ у нихъ какъ бѣльмо на глазу, и устраненіе его отъ вторичнаго пріѣзда въ Бѣлградъ было единственною цѣлію. Всякое средство къ достиженію своей цѣли они

считали законнымъ и правильнымъ. При такихъ побужденіяхъ они и уговорили Чернаго Георгія написать слѣдующее письмо:

„Мы покорнѣйше просили о скорой помощи и правосудіи и видѣли себя осужденными прежде всякаго допроса и испытанія по однимъ только доносамъ невѣрнымъ нашихъ братій, которые отсюда бѣжали; однакожь въ письмѣ нашемъ отъ ноября мѣсяца, когда мы посылали депутатовъ нашихъ, о томъ ничего упомянуть не хотѣли, надѣясь, что все можетъ быть еще хорошо и что все будетъ къ лучшему. Но какъ мы видѣли, что день ото дня все обращается въ большую погибель и что отъ зла хуже бываетъ, то принуждены искреннѣйше васъ извѣстить, что тайные враги, причинявшіе толикое зло нашему народу, уже нынѣ между нами не находятся, кромѣ ихъ остатковъ, оставленныхъ ими здѣсь намъ во вредъ. Они прибрались туда ближе, откуда можно намъ больше вреда нанести и свое намѣреніе, клонящееся къ нашему несчастію, совершить могутъ и уже совершаютъ, какъ то ясно видно. Мы желали и просили комиссіи, которая бы судила безпристрастно всѣ поступки г. Родофиникина, во все время пребыванія его у насъ, и тогда показалось бы яснѣе солнца, какъ безпристрастно трудился почтенный сей господинъ съ самаго начала прибытія его къ намъ.“ (71)

Черный Георгій обвинялъ Родофиникина въ томъ, что: 1) онъ обольщалъ нѣкоторыхъ изъ старѣйшинъ и военачальниковъ, то ласковыми словами, то обѣщаніемъ богатства и господствованія, то наконецъ раздачею денегъ на потребности, не относящіяся до народныхъ надобностей, и тѣмъ возбуждалъ ихъ къ неповиновенію старѣйшинамъ и самому Черному Георгію; 2) старался явно предъ народомъ и тайно у самого Чернаго Георгія оклеветать дѣйствительныхъ, постоянныхъ и „наискусныхъ“ сыновъ отечества, уговаривая прогнать ихъ изъ отечества или предать ихъ смерти. „Поелику онъ сіе предъидущее дѣлалъ въ договорѣ съ бывшимъ нашимъ епископомъ Леонтіемъ, и, примѣтивъ сильную къ намъ злобу того епископа и неограниченное его желаніе владычествовать, послалъ онъ его въ 1808 году по всей Сербіи, подъ предлогомъ будто обучать народъ; настоящее же его намѣреніе было опочить старѣйшинъ передъ неразумными простыми людьми,

(71) Письмо отъ 12-го декабря 1809 г. Арх. министертва иностранныхъ дѣлъ.

отвратить ихъ отъ начальниковъ и вкоренить зависть, злобу, мерзость и несогласія, что помянутый епископъ и успѣлъ вѣрно исполнить.“ 3) Георгій обвинялъ еще какъ Родофиникина, такъ и Леонтія въ томъ, что они оба всѣми мѣрами старались воспрепятствовать заведенію въ Сербіи порядка и „*какіхъ-нибудь европейскихъ обычаевъ*“, а особливо не позволяли обучать войско регулярной службѣ, страшая людей черезъ своихъ наемниковъ и прогоняя всякаго, кто бы осмѣлился научить народъ доброму ⁽⁷²⁾; что онъ запрещалъ покупать военные припасы у другихъ, обѣщая доставить ихъ отъ нашихъ войскъ; что онъ отправилъ Леонтія въ Валахію собственно для того, чтобы тотъ могъ далѣе уйти отъ преслѣдованія. 4) Оставаясь самъ въ Бѣлградѣ, покупалъ суда, какъ для себя, такъ и для другихъ „желающихъ быть невѣрными отечеству“. „Онъ смутилъ и къ бѣгству побудилъ всѣхъ совѣтниковъ, военачальниковъ, старѣйшинъ и толпу народа, страшая ихъ тѣмъ, что будто турки уже на дворѣ были, и принуждалъ оставить сію крѣпость (Бѣлградскую), одну изъ крѣпчайшихъ въ Европѣ, въ рукахъ нашихъ военноопытныхъ, коихъ имѣемъ здѣсь около 500, если бы верховный предводитель не пріѣхалъ рано того дня и оставляя все ночью ушелъ.“ ⁽⁷³⁾

Всѣ эти обвиненія указывали прямо на то, что были дѣломъ рукъ Младена и его товарищей. Они были лучшими свидѣтелями, что внутренніе беспорядки по прежнему существовали въ Сербіи и что несогласія раздѣляли старѣйшинъ и поглаварей народа сербскаго. Слова депутатовъ, будто внутренніе беспорядки прекращены, ихъ заявленіе нужды и желаній народа, ихъ просьбы шли въ разладъ съ желаніями и просьбами Чернаго Георгія, сдѣлавшагося орудіемъ партіи, недоброжелательной Сербіи и во главѣ которой стоялъ Младенъ. Князь Багратіонъ, отвѣчая Черному Георгію на письмо и обѣщая помощь Сербіи, ссылался на то, что депутаты, отправившіеся въ малую Валахію, были сами свидѣтелями тѣхъ приготовленій, которыя дѣлаются для переправы русскихъ войскъ въ Сербію, „для защиты и обороны единовѣрнаго намъ народа сербскаго“. Главнокомандующій говорилъ, что войска переправятся и народъ сербскій получить новое удостовѣреніе въ расположеніи и желаніи русскаго императора изъавить народъ отъ

⁽⁷²⁾ Здѣсь онъ упоминаетъ о Новокрещеновѣ.

⁽⁷³⁾ Означеніе письма см. въ приложеніи XV.

погибели, которая ему угрожала. Князь Багратионъ требовалъ, чтобы старѣйшины и поглавари сохранили между собою единодушіе и съ переправившимися русскими войсками дѣйствовали общими силами къ пораженію врага ихъ отечества. „Я удостоивренъ, что верховный вождь народа сербскаго, коего заслуги и труды, на пользу отечества подъятыя, должны быть навѣки впечатлѣны въ сердцахъ каждаго истиннаго сербина, наиболѣе споспѣшествовать будетъ къ достиженію таковой благой цѣли. Тогда только покажутъ себя старѣйшины и поглавари достойными покровительства Его Величества, и тогда только могутъ они при сей сильной помощи надѣяться утвердить на незыблемомъ основаніи благоденствіе ихъ отечества.“

Убѣждая сербовъ прекратить всякіе внутренніе безпорядки и несогласія, князь Багратионъ находилъ однако нужнымъ послать Родофиникина въ Сербію. Онъ приказалъ ему отправиться туда вмѣстѣ съ переходомъ нашихъ войскъ.

На обязанность Родофиникина возлагалось убѣдить сербовъ, чтобы они, при заключеніи мирныхъ условій нашихъ съ Портою Отоманскою, согласились, оставаясь подъ покровительствомъ Россіи, быть данниками Порты, и если бы они согласились на это, то главнокомандующій поручалъ Родофиникину испросить у народа сербскаго тѣ статьи и пункты, которые сербы желали бы включить для обезпеченія себя въ случаѣ мирныхъ нашихъ переговоровъ съ Портою (74).

„Я однакожь опасаюсь, что дѣла сербскія — писалъ князь Багратионъ графу Румянцеву (75) — при мирной негоціаціи, особливо по упорству и невѣжеству сего народа, причинятъ немалыя затрудненія.“

Между тѣмъ, предположенная экспедиція въ Сербію дѣятельно готовилась. Генералъ Исаевъ, назначенный съ отрядомъ войскъ для помощи Сербіи, думалъ начать свои дѣйствія овладѣніемъ островомъ Алемаре, устройствомъ тотчасъ вѣрной переправы, подъ надлежащимъ прикрытіемъ, взятіемъ Бирзопаланки, ея исправленіемъ и постройкою новаго укрѣпленія противъ острова, гдѣ будетъ переправа. Потомъ Исаевъ полагалъ, соединясь съ поречскимъ комендантомъ Миленкомъ Стойковичемъ, общими силами и немедля взять Неготинъ, съ тою цѣлію, чтобы не дать времени виддинскому папѣ укрѣ-

(74) См. приложение XVI.

(75) Отъ 19-го февраля 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

пить его и усилить. Затѣмъ, оставя тамъ отрядъ войскъ, для обезпеченія тыла, самому двинуться къ Бладову и принудить городъ къ сдачѣ. Исполнивъ всѣ эти предположенія и пославъ два баталіона въ Бѣлградъ, Исаевъ хотѣлъ расположиться по рѣкѣ Тимоку, между Виддиномъ и Ниссою, и дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ и движенію непріятели. Экспедиція предполагалась однакожь не ранѣе первыхъ чиселъ февраля, потому что къ этому времени, въ случаѣ недостатка фуража, который доставлять за Дунай было крайне затруднительно, можно было рассчитывать на подножный кормъ если не для всѣхъ, то „покрайней мѣрѣ для казачьихъ лошадей“. (76)

Желая какъ можно скорѣе подвинуть это дѣло, главнокомандующій самъ отправился въ Краіовъ, чтобы на мѣстѣ дать указанія Исаеву и принять всѣ необходимыя мѣры къ обезпеченію успѣха экспедиціи. По прибытіи своемъ, князь Багратионъ нашелъ войска, опредѣленныя къ переходу за Дунай, собранными уже въ назначенныхъ имъ пунктахъ, суда для переправы построеными, двухъ-мѣсячный провіантъ и фуражъ свезенными къ берегу Дуная; остальное же количество хлѣба и фуража, назначеннаго къ заготовленію для отряда, по причинѣ чрезвычайной распутицы, было въ пути.

При такомъ положеніи дѣлъ, главнокомандующій нашелъ возможнымъ начать экспедицію съ 1-го числа марта мѣсяца. Онъ приказалъ Исаеву учредить переправу или черезъ островъ Алемаре, или ниже его, въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдетъ онъ болѣе удобнымъ, съ тѣмъ однакожь, что если переправа будетъ выбрана ниже острова, то произвести ложную переправу черезъ островъ, для того, чтобы скрыть отъ непріятели настоящее свое намѣреніе (77).

Съ переходомъ войскъ черезъ Дунай, первымъ дѣйствіемъ ихъ должно было быть овладѣніе Неготиномъ, такъ какъ только этимъ овладѣніемъ можно было пресѣчь сношеніе турецкихъ войскъ, вверхъ по Дунаю расположенныхъ, съ крѣпостію Виддиномъ. Недальнее разстояніе Неготина отъ берега Дуная и превосходство нашихъ силъ передъ непріятеlemъ, тамъ бывшимъ, давали полную надежду на успѣхъ предпріятія. Только утвер-

(76) Донесеніе князя Багратиона къ государю, отъ 13-го декабря 1809 года, № 1,222.

(77) Диспозиція генералу Исаеву отъ 18-го февраля 1810 года. Арх. военно-топографическаго депо, № 13,695. Lit. D. № 7.

дѣсь уже въ Неготинѣ можно было думать о соединеніи съ сербами, которые тогда свободно могли присоединиться къ намъ и содѣйствовать общими силами къ очищенію всего тамошняго берега Дуная отъ турецкихъ войскъ. Взявъ островъ Алемаре и Бирео-паланку, военная необходимость заставляла обратиться къ Кладовѣ, потому что безъ овладѣнія этимъ пунктомъ невозможно было себя обезпечить съ тылу, и самые транспорты, шедшіе къ отряду, могли подвергаться безпрестанной опасности отъ непріятели. Тѣмъ не менѣе князь Багратіонъ запретилъ Исаеву штурмовать Кладову, а надѣялся взять ее строгою блокадою, пресѣченіемъ сношенія съ Виддиномъ, откуда Кладова получала всѣ потребности. Главнокомандующій запретилъ также посылать гарнизонъ въ Бѣлградъ, боясь какого бы то ни было раздробленія силъ.

Отправляя Исаева, князь Багратіонъ основывался главнѣйшимъ образомъ на томъ, чтобы переводимый въ Сербію нашъ отрядъ войскъ соединился съ силами сербскими, и такимъ образомъ выполнялись двѣ цѣли: съ одной стороны удовлетворено было главное желаніе сербскаго народа видѣть наши войска въ своей землѣ, а съ другой—возвращая довѣренность народа сербскаго къ Россіи, князь Багратіонъ думалъ всѣ тѣ пожертвованія, которыя были сдѣланы нами въ пользу сербовъ, обратить хотя частью на удовлетвореніе собственныхъ нашихъ интересовъ. Съ этою цѣлію онъ отправилъ Родофинкина опять въ Сербію, снабдивъ его грамотою къ сербскому народу, и поручилъ ему употребить всѣ средства къ распространенію этой грамоты, такъ чтобы „она сдѣлалась извѣстною во всемъ народѣ“. (78)

Марта 2-го, генераль-маіоръ Исаевъ, спустивъ на воду паромъ и сдѣлавъ нѣсколько плотовъ изъ мелкихъ судовъ, переправился на островъ Алемаре, въ глазахъ непріятели, сначала сопротивлявшагося, а потомъ удалившагося въ укрѣпленіе. Переправа первыхъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, съ принадлежащею къ нимъ артиллерією, была нѣсколько затруднительна, однако весь отрядъ переправился безъ затрудненія. 4-го числа онъ обложилъ укрѣпленія, бывшія на островѣ, и, построивъ батареи, сталъ тѣснить непріятели. Исаевъ напелъ на

(78) Докосеніе государю отъ 19-го февраля 1810 г. № 166. См. приложение XVII. Арх. военно-топографическаго депо, № 15,693.

турецкомъ берегу устроенные небольшіе ретраншаменты. Турки безпрестанно посылали свои развѣзды.

Показавъ видъ, что желаетъ переправиться гораздо выше острова Алемаре, и отвлекши тѣмъ вниманіе непріятеля, посланнаго туда орудія, генераль-маіоръ Исаевъ, въ ночь на 10-е число, несмотря на всю осторожность турокъ и частыя береговыя укрѣпленія, переправилъ, немного выше верхняго мыса острова, баталіонъ 6-го егерскаго полка, который, занявъ назначенную позицію, доставилъ суда на верхній мысъ острова, откуда и переправлены были еще три полка пѣхоты.

Во время переправы, когда три баталіона были уже на берегу, непріятель, собравшись въ числѣ тысячи человекъ, атаковалъ наши баталіоны, но картечнымъ и ружейнымъ огнемъ былъ прогнанъ и удалился въ укрѣпленный свой лагерь противъ нижняго мыса острова. Генераль-маіоръ Исаевъ, съ казачьимъ полкомъ, переправленнымъ на правый берегъ Дуная, преслѣдовалъ турокъ. ⁽⁷⁹⁾

Такимъ образомъ желаніе князя Багрatiона подать помощь сербамъ было исполнено. Исаевъ съ своимъ отрядомъ находился на правой сторонѣ Дуная. Дальнѣйшія его движенія и дѣйствія будутъ нами разсказаны въ своемъ мѣстѣ.

XX.

Происшествія въ главной квартирѣ.—Ссора князя Багрatiона съ Милорадовичемъ и причины ея.—Письмо князя Трубецкаго къ государю.—Вестіаръ Филипеско.—Письмо Фонтона къ князю Багрatiону.—Ссылка Филипеско.—Князь Багрatiонъ проситъ объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго.—Письмо его къ графу Аракчеву и оставленіе арміи.—Назначеніе графа Каменскаго 2-го главнокомандующимъ.

Наружное согласіе, существовавшее вначалѣ между княземъ Багрatiономъ и Милорадовичемъ, въ концѣ 1809 года было нарушено. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее обстоятельство. Въ Букарестѣ были двѣ партіи, враждебныя другъ другу. Во главѣ одной изъ нихъ стоялъ Филипеско, вестіаръ дивана; представителемъ другой былъ Варлаамъ, бывшій каймаканомъ князя Ипсиланти. Первый былъ подъ покровительствомъ Милорадовича, по любви его къ Аникѣ, дочери

⁽⁷⁹⁾ Донесеніе князя Багрatiона государю 12-го марта 1810 г. № 232. Арх. военно-топографическаго депо, № 15,695.

Филипеско. Варлаамъ далъ знать стороною главнокомандующему, что онъ имѣетъ средство установить сношеніе съ комендантомъ крѣпости Журжи и преклонить его, можетъ быть, къ сдачѣ крѣпости нашимъ войскамъ. Какъ только узналъ объ этомъ предложеніи Филипеско, тотчасъ же разгласилъ его, и дѣло разстроилось при самомъ своемъ началѣ. Князь Багратионъ обвинялъ Филипеско, а Милорадовичъ оправдывалъ его, говоря, что обвиненія неправильны и что это происки Варлаама, врага Филипеско. Завязалась непріятная для обоихъ переписка, и дѣло дошло до того, что князь Багратионъ желалъ, чтобы Милорадовичъ былъ вызванъ въ Петербургъ на нѣкоторое время, „дабы въ отсутствіи его—писалъ князь Трубецкой императору Александру — онъ могъ употребить въ Валахіи генерала помирнѣ“.

„Я думаю, что онъ на сіе мѣсто назначаетъ генерала Засса. Онъ о сихъ подробностяхъ не хочетъ офиціально увѣдомлять Ваше Величество, но сказалъ мнѣ сіе съ такимъ видомъ, что, безъ сомнѣнія, желаетъ, дабы оно доведено было со стороны до свѣдѣнія Вашего.“⁽⁸⁰⁾

Съ самаго прибытія князя Багратиона къ молдавской арміи, покойный главнокомандующій, князь Прозоровскій, описывалъ ему интриги въ Валахіи, во главѣ которыхъ стоялъ Филипеско, бывший въ то время вестіаромъ дивана. Впослѣдствіи удаленный отъ этой должности, онъ все-таки сохранялъ свое вліяніе на дѣла, такъ какъ преемникъ его былъ руководимъ имъ не только по дивану, но и по всему земскому правительству.

Направленіе Филипеско вообще было враждебно Россіи. Нашему правительству извѣстно было это еще въ то время, когда Голенищевъ-Кутузовъ, впослѣдствіи знаменитый вождь 1812 года, былъ отправленъ посломъ въ Константинополь. Со времени же вступленія нашихъ войскъ въ княжества, до главнокомандующихъ доходили извѣстія о перепискѣ, которую велъ Филипеско съ княземъ Суццо, назначеннымъ Портою Отоманскою господаремъ Валахіи. Утверждаютъ также, что онъ же, въ 1807 году, когда князь Ипсиланти удалился изъ Бувареста, извѣстилъ о поѣздкѣ его браиловскаго назыря и что это самое было причиною набѣга турокъ на Бузео, куда они поспѣли

⁽⁸⁰⁾ Письмо князя Трубецкаго къ императору Александру отъ 25-го ноября. Арх. военно-топографическаго депо, № 50,295.

только двумя часами послѣ прохода Ипсиланти. И посланникъ нашъ въ Вѣнѣ, князь Куракинъ, извѣщаль князя Прозоровскаго объ интригахъ Филипеско, и, наконецъ, въ 1809 году, извѣстно было главнокомандующему, что Филипеско уговаривалъ всѣхъ бонровъ бѣжать въ Трансильванію, какъ только корпусъ Милорадовича переправится за Дунай. Подавая собою примѣръ, онъ держалъ всегда нѣсколько десятковъ подводъ у себя на дворѣ, какъ будто готовясь къ побѣгу.

Когда всѣ эти свѣдѣнія дошли до князя Прозоровскаго, тогда онъ рѣшился отправить Филипеско, со всѣмъ семействомъ, на жительство въ Яссы. Онъ приказалъ уже заготовить предписание о томъ князю Багратиону, находившемуся тогда въ Валахія, и сенатору Кушникову, председателю дивана. Слабость силъ, а впоследствии воячина князя Прозоровскаго не дозволили ему подписать эти бумаги, и высылка Филипеско не состоялась. Князь Багратионъ, вступивъ въ главное начальство, преслѣдовалъ мысль объ удаленіи Филипеско и писалъ о томъ Кушникову, отъ котораго получилъ возраженіе, что слухи, распускаемые про Филипеско, происходятъ отъ многочисленныхъ его враговъ.

Впоследствии въ Букарестѣ явились два подложныхъ письма, въ которыхъ, писанныхъ будто самимъ Филипеско, Милорадовичъ выставлялся приверженцемъ и сторонникомъ турокъ. Трудно ошибиться, если предположить, что то были интриги самого Филипеско, представившаго эти письма въ видахъ собственного оправданія.

Всѣ эти обстоятельства заставили князя Багратиона обратиться на дѣло серьезное вниманіе. Онъ поручилъ бывшему въ Букарестѣ нашему агенту Фонтону разузнать подробности отъ лицъ, близкихъ туркамъ.

„Повѣдѣнія, кои даны мнѣ были—писаль Фонтонъ⁽⁸¹⁾—отъ вашего сіятельства письмомъ вашимъ отъ 7-го сего мѣсяца, исполнены. Видаешь почти ежедневно съ Манукъ-беємъ и пользуюсь, по поводу прежняго нашего знакомства, откровенностію его, а естественнымъ образомъ, какъ бы изъ собственного любопытства, дѣлалъ ему вопросы на предметы, заслуживающіе вниманія вашего сіятельства, и въ намѣреніи доставить вамъ желаемыя свѣдѣнія.

⁽⁸¹⁾ Отъ 14-го декабря 1809 г. Арх. военно-топографическаго депо, № 15,695. Lit. D. № 7.

„Мнѣнія Манукъ-бея о Филипеско есть то же, каковое имѣеть о немъ и публика. Онъ почитаетъ его за перваго виновника страшныхъ бѣдствій, коими удручена сія земля, и главною пружиною тайныхъ сношеній, которыя имѣють здѣсь турки. Онъ лично не извѣстенъ турецкимъ министрамъ, ни другимъ магометанскимъ чиновникамъ, и не съ ними имѣеть онъ прямое сношеніе, но съ княземъ Суццо и довѣренными отъ него греками и волохами, находящимися на той сторонѣ Дуная. Филипеско, соединяющій съ хитростію великую осторожность, никогда самъ не попадется, но дѣйствуетъ и ведетъ переписку черезъ довѣренныхъ имъ особъ. Главнѣйшія изъ нихъ суть бояре: Гаджи-Моска и Яака, оба, а особливо послѣдній, явно приверженные французамъ. Французскій консулъ (г. Леду) самъ изъ первѣйшихъ агентовъ, и нѣтъ ни одного курьера, провзажающаго въ Константинополь или оттуда, который бы не имѣлъ при себѣ писемъ отъ сей шайки, исключая посылаемыхъ отъ нея рассыльщиковъ, которые, зная всѣ дефилеи и тропинки, укрываются отъ бдительности нашихъ передовыхъ постовъ.

„Этотъ заговоръ, со времени вступленія нашихъ войскъ въ Валахію, существуетъ, конечно, и по сю пору. Доказательствомъ сему служитъ то, что турки всегда въ точности знаютъ все то, что мы дѣлаемъ и даже что предпринять хотимъ, и почему нить сія должна быть прервана, когда ничего не сдѣлано для прерванія ея. Правда, что трудно ее изловить, а также и воспрепятствовать разглашенію того, что до насъ касается, ибо къ сему затрудненію присоединяются многія причины. Большинство бояръ желаетъ возвратиться подъ отоманское правленіе. Этому не слѣдуетъ удивляться, ибо имъ извѣстно, что подъ російскою державою имъ нельзя уже будетъ обогащаться хищничествомъ. Къ сему почти общему желанію управляющая нынѣ партія присовокупляетъ недоброразсудительнѣйшія расположенія къ русскимъ, а совершенную преданность къ пользамъ явнаго врага нашего князя Суццо, коего приверженность къ французамъ и сношенія съ ними отнюдь не тайна, даже для Порты, которая чрезвычайно этимъ раздражена и не смѣетъ его за сіе наказать.

„Эта партія всегда доставляла нужное къ содержанію Суццо. Я имѣю доказательства тому: французскому консулу Ламару поручено было, за нѣсколько времени до смерти его, выдать

ему въ Русдукъ три тысячи червонныхъ. Такиъ называемый по имени Стеріо, греческій купецъ, находившійся подъ покровительствомъ Франціи и ѣхавшій отсюда въ означенный городъ, былъ вручителемъ этой суммы, которую онъ и выдалъ Влазницы, постельнику Суццо. Я узналъ это отъ русскаго купца Кастриціо, которому кумь и другъ его Стеріо самъ то разсказалъ. Это денежное пособіе было уже не первое, и нѣтъ сомнѣнія, что Суццо и до сихъ поръ продолжаетъ получать такія пособія.

„Народъ не одинаковаго мнѣнія съ боярами. Онъ съ истинною радостію увидѣлъ вступленіе войскъ нашихъ въ землю свою, и желаніе его было остаться подъ управленіемъ Россіи, но терпимыя имъ неслыханныя притѣсненія много вредятъ этому расположенію. Народъ не только желаетъ теперь скорѣйшаго отступленія войскъ, но даже и возвращенія прежняго порядка вещей, потому что никогда во время господствъ не обремененъ онъ былъ такими налогами, какъ нынѣ.

„Усердіе и приверженность Варлаама къ Россіи несомнѣны. Честность, безкорыстность и правота правилъ его не могутъ быть подвержены никакому сомнѣнію; но онъ начальникъ партіи, онъ имѣетъ сообщниковъ, которые, можетъ быть, неодинаковыхъ съ нимъ правилъ и каковыхъ однакожъ онъ охотно сохраняетъ. Слѣдовательно, онъ долженъ равнодушно смотрѣть на тѣ истязанія, которыя они могутъ себѣ позволить. Правда, что они не могутъ идти въ сравненіе съ тѣми истязаніями, кои происходятъ при нынѣшнемъ управленіи, хотя бы увеличено было сказанное мнѣ Варлаамомъ, будто бы при нынѣшнемъ управленіи, въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ, налоги простираются до 14,000,000 шастровъ, тогда, когда во время его управленія, въ продолженіе того же времени, собиралось только 1,800,000 шастровъ.

„Есть бояры, истинно любящіе отечество, которые не привержены ни къ какой партіи, живутъ въ удаленіи отъ всего и искренно жаждутъ поступить подъ правленіе Россіи. Ихъ весьма мало насчитываютъ. Число добродѣтельныхъ людей всегда меньше, а смиренность всегда бываетъ обыкновенно ихъ удѣломъ. Манукъ-бей называлъ мнѣ, между прочимъ, двоихъ: Брамовано, который удался въ Кронштадтъ (въ Трансильванію), дабы не быть свидѣтелемъ несчастій отечества его, и Гулескуло, поступившаго подъ знамена Филипеско, потому что онъ

его боится; но онъ присутствуетъ въ диванѣ только для сохраненія наружности, не участвуя нисколько въ дѣлахъ.“

Таковы были свѣдѣнія, данныя Манукъ-бегъ, человѣкомъ чуждымъ въ сей землѣ, равнодушнымъ ко всемъ партіямъ, совершенно приверженнымъ къ Россіи изъ собственной пользы. Онъ могъ судить и видѣть безпристрастно.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ получилъ князь Багратіонъ частное письмо отъ Милорадовича, въ которомъ тотъ обвинялъ Варлаама въ злоупотребленіяхъ и, напротивъ того, жарко защищалъ Филипеско. Главнокомандующій возвратилъ это письмо, въ оригиналѣ, Милорадовичу, прося его войти о томъ офиціальнымъ представленіемъ, съ объясненіемъ проступковъ Варлаама. Возвращеніе письма послужило началомъ открытыхъ неудовольствій: Сколько ни защищалъ потомъ Милорадовичъ Филипеско, въ концѣ ноября окончательно послѣдній былъ пойманъ въ своихъ сношеніяхъ съ турками, что и заставило князя Багратіона, принявъ рѣшительныя мѣры, просить императора Александра объ удаленіи Филипеско.

Донесеніе главнокомандующаго и письмо князя Трубецкаго почти одновременно достигли до Петербурга.

„Вслѣдствіе донесенія вашего—писаль государь князю Багратіону—признаю Я за нужное: во-первыхъ, давъ на имя генерала Милорадовича указъ, въ копіи у сего вамъ прилагаемый, предписать вамъ слѣдующее: дабы, по прошествіи нѣкотораго времени (по усмотрѣнію вашему) съ отъѣзда генерала Милорадовича къ новому его назначенію, приказали вы проживающаго въ Букарестѣ, бывшаго вестіаромъ, Филипеско отправитъ, со всемъ его семействомъ, подъ строгимъ присмотромъ, въ Бѣлгородъ, но съ оказаніемъ имъ всякой вѣжливости.“ (32)

Въ февралѣ 1810 года Филипеско былъ отправленъ въ новое мѣстожительство, со всемъ семействомъ, состоявшимъ изъ 19 человѣкъ, при которыхъ выѣхало 51 человѣкъ прислуги.

Милорадовичу же поручено было образование 45,000-й арміи въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ, куда онъ вскорѣ и уѣхалъ.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ мы упомянули, что отступленіе князя Багратіона отъ Силистріи было поводомъ къ

(32) Отъ 8-го января 1810 года. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣла молдавской арміи.

различнаго рода толкамъ иностранной журналистики. Говорили, что отступленіе это было прямымъ слѣдствіемъ неудачи, потерѣнной главнокомандующимъ въ сраженіи подъ Татарицею. Слухи и говоръ иностранной прессы дошли до нашего правительства почти официальнымъ путемъ. Сынъ датскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, баронъ Г...., былъ отправленъ отцомъ изъ Константинополя въ С.-Петербургъ съ депешами къ нашему правительству. Приѣхавъ въ С.-Петербургъ, молодой баронъ Г...., въ разговорѣ своемъ съ графомъ Румянцевымъ, подтвердилъ совершенно дошедшіе и прежде до петербургскаго кабинета слухи о крайнемъ неуваженіи къ верховному визирю пашей, начальствовавшихъ турецкими войсками, и о междоусобной враждѣ ихъ. Молодой Г...., между прочимъ, рассказывалъ, что, при проѣздѣ его черезъ Разградъ, возвращавшійся изъ Сербіи Курханъ-Сали-паша и слѣдовавшій съ войскомъ своимъ на соединеніе съ визирскою арміею, хотѣлъ пройти черезъ этотъ городъ, но что командовавшій въ немъ паша не допустилъ его къ тому, вслѣдствіе чего въ самомъ Разградѣ послѣдовала стычка между войсками двухъ турецкихъ начальниковъ, въ продолженіе которой Г.... успѣшилъ уѣхать, оставивъ ихъ сражающимися. Приѣхавъ въ Журжу, баронъ Г.... представилъ начальствовавшему тамъ папѣ свой открытый листъ, данный верховнымъ визиремъ, для свободнаго его проѣзда въ С.-Петербургъ. Паша разорвалъ открытый листъ и, отзываясь съ крайнимъ презрѣніемъ насчетъ визира Юсуфа, не хотѣлъ пропускать барона Г...., но впоследствии, увѣрившись, что онъ ѣдетъ по собственнымъ дѣламъ, согласился его пропустить. Далѣе баронъ Г.... рассказывалъ, что, проѣзжая черезъ Шумлу, гдѣ находился верховный визиръ съ своими войсками, онъ познакомился съ его докторомъ, который рассказывалъ ему, что въ сраженіи, бывшемъ подъ Татарицею, первѣеъ оставался совершенно на сторонѣ русскіхъ, тогда какъ турецкая армія была въ крайнемъ замѣшательствѣ. Прибывшій въ подкрѣпленіе турецкимъ войскамъ корпусъ албанцевъ, подъ начальствомъ сына янинскаго Али-паши, перемѣнилъ положеніе дѣла. Докторъ верховнаго визира прибавилъ, что, несмотря на подкрѣпленіе, безпорядокъ въ турецкой арміи послѣ сраженія былъ еще такъ великъ, что самъ верховный визиръ, при которомъ находилось не болѣе двухъ или трехъ тысячъ челоуѣкъ, по причинѣ густаго и про-

должительнаго тумана, потерявъ дорогу, едва не латкнулся на наши войска и легко могъ бы понасться въ плѣнь.

Сообщая объ этихъ происшествіяхъ и разсказахъ барона Г.... князю Багратиону, графъ Румянцевъ присовокуплялъ:

„Я не хотѣлъ оставить ваше сіятельство въ невѣдѣніи о всѣхъ сихъ сообщеніяхъ барона Г...., не дѣлая, впрочемъ, на оныя нитяныя съ моей стороны примѣчаній, но присовокуплю къ тому, что ежели разныя обстоятельства положили намъ препоны къ дальнѣйшимъ успѣхамъ минувшею осенью, то мы всѣ, зная мужество ваше, остаемся въ несомнѣнной надеждѣ, что все то будетъ вознаграждено при открытіи новой кампаніи.“⁽⁸³⁾

Сраженіе при Рассеватѣ также возбудило нѣкоторые толки, не совсѣмъ выгодные для главнокомандующаго. Когда французскій посланникъ при нашемъ дворѣ получилъ отъ своего правительства рѣчь, говоренную императоромъ Наполеономъ 3-го декабря 1809 года въ собраніи законодательнаго сословія, въ которой императоръ публично признавалъ Молдавію и Валахію присоединенными къ Россіи, то въ то же время посланникъ сообщилъ графу Румянцеву, какъ будто въ видѣ личной довѣренности, полученную имъ депешу отъ графа Шампиньи. Въ этой депешѣ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ замѣчалъ своему посланнику, что императоръ Наполеонъ даетъ столь сильное удостовѣреніе въ искривней своей дружбѣ къ императору Александру въ то самое время, когда объ успѣхахъ войскъ нашихъ въ турецкихъ границахъ доходили въ Парижъ не совсѣмъ хорошія извѣстія. Въ доказательство справедливости своихъ словъ, графъ Шампиньи приложилъ къ своей депешѣ къ французскому посланнику копию съ одного письма, полученнаго имъ о сраженіи при Рассеватѣ.⁽⁸⁴⁾ Взятіе Браиловской крѣпости хотя и могло служить опроверженіемъ всѣхъ этихъ слуховъ, хотя графъ Румянцевъ и писалъ графу Аракчееву, что паденіе Браилова весьма важно для насъ не столько по стратегическимъ соображеніямъ, сколько по времени⁽⁸⁵⁾ и политическимъ обстоятельствамъ, тѣмъ не менѣе всѣ эти слухи и извѣстія съ одной

⁽⁸³⁾ Графъ Румянцевъ къ князю Багратиону отъ 26-го декабря 1809 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

⁽⁸⁴⁾ Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ. „Campagnes en Turquie“.

⁽⁸⁵⁾ Арх. военно-топографическаго депо, М 50, 295. Lit. A.

стороны не могли быть пріятны князю Багратиону, а съ другой производили въ нашемъ правительствѣ нѣкотораго рода сомнѣніе въ распоряженіяхъ главнокомандующаго. Конечно, эти нелѣпыя слухи не могли перемѣнить обстоятельствъ и хода военныхъ дѣйствій, не могли быть помѣхою къ успѣхамъ нашего оружія, но они могли имѣть вліяніе на операціи, приготовляемыя кабинетами петербургскимъ и парижскимъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ.

Получивъ эти свѣдѣнія, князь Багратионъ былъ разсерженъ и обиженъ ими до крайности.

„Съ крайнимъ прискорбіемъ душевнымъ—писалъ онъ графу Румянцеву ⁽⁸⁶⁾—видѣлъ я изъ депеши вашего сіятельства, что вы заключенія ваши на мой счетъ основать изволили на голословныхъ показаніяхъ малолѣтняго мальчишки, не имѣющаго еще ни о чемъ понятія и первый разъ изъ-подъ кровли родительской въ свѣтъ вышедшаго. Сіе самое заставляетъ меня войти здѣсь въ нѣкоторыя подробнѣйшія объясненія.

„Несогласія, существовавшія между нѣкоторыми папами турецкими, и неуваженіе ихъ въ верховному визирю относятся только до личныхъ ихъ между собою интересовъ; но коль скоро армія российская гдѣ понажется, то тамъ всѣ тотчасъ единодушно дѣйствуютъ противъ насъ и всѣ признаютъ власть верховнаго визира и ему повинуются. Доказательства въ томъ представлены довольно явныя во всю кампанію 1809 года, и излишне бы было распространяться здѣсь подробнымъ оныхъ описаніемъ. Слѣдовательно, всѣ тѣ распри весьма малое имѣютъ вліяніе на дѣйствія турокъ противъ насъ. Но тѣ распри, которыя намъ существенную пользу принести могутъ и о коихъ баронъ Г.... понятія не имѣетъ и имѣть не можетъ, стараюсь я приличными мѣрами итти и усиливать, какъ то вашему сіятельству и изъ нѣкоторыхъ отношеній моихъ извѣстно. Гущанцъ-али Галиль-паша сражался съ нашею разградскимъ, то правда, но ссора ихъ прекратилась въ три дня. Айдинъ-паша журижскій обнаружилъ презрѣніе къ визирю единственно для того, что, видя мальчишку передъ собою, онъ хотѣлъ дать ему понятіе о величій власти и силы своей и даже показывалъ ему всю выставленную имъ въ Журжѣ артиллерію, въ томъ намѣреніи, дабы онъ намъ все то пересказалъ и внушилъ бы намъ,

⁽⁸⁶⁾ Князь Багратионъ къ гр. Румянцеву отъ 13-го января 1810 г., № 25. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

такимъ образомъ, что онъ и безъ помощи верховнаго визира можетъ противостоять нападенію со стороны россійской армии. Сіе заключеніе мое и въ глазахъ вашихъ получить еще большее удостовѣреніе, когда сообщу вамъ, что Айдинъ-паша всеми способами ищетъ покровительства верховнаго визира, для утвержденія за нимъ въ помѣщичьемъ его владѣніи рай журжинской.

„Баронъ Г...., въ бытность у меня въ Гирсовѣ, на вопросъ мой о всемъ томъ, что происходитъ въ Шумлѣ, отвѣтствовалъ мнѣ, что онъ тамъ пробылъ не болѣе трехъ часовъ и что, слѣдовательно, ничего мнѣ основательнаго разсказать не можетъ. Одного сего довольно, кажется, чтобы удостовѣрить ваше сіятельство, сколь справедливы настояція его показанія; да и вообще не могу я разумѣть, съ одной стороны, какъ онъ успѣлъ такъ скоро снискать довѣренность лекаря, а съ другой какъ лекарь могъ сообщить ему столь подробныя о военныхъ дѣйствіяхъ свѣдѣнія. Покрайней мѣрѣ очевидно то, что если показанія Г.... справедливы, то мои донесенія моему Государю ложны, и я преступникъ передъ Богомъ и Монархомъ.

„Я питаю себя надеждою, что Его Величество ни въ прежней моей службѣ, ни въ настоящей не соизволилъ найти причины сомнѣваться въ справедливости моихъ донесеній, ибо и малѣйшее отступленіе отъ истины не соответствуетъ ни моему чину, ни моему званію, ни природному моему характеру.

„Въ сраженіи передъ Татарицею былъ я лично посреди рукопашнаго боя, слѣдовательно недалеко отъ непріятеля. Былъ я тамъ не по особенной какой-либо личной храбрости, но по обязанности званія моего. Итакъ, донесенія мое были основаны на томъ, что я самъ видѣлъ и дѣлалъ, а не на рапортахъ подчиненныхъ. Сраженіе кончилось въ пользу нашу: правила воинскаго благоразумія, о коихъ здѣсь не умѣста говорить, не позволили мнѣ атаковать непріятеля въ его укрѣпленіяхъ; но я оставаясь и въ слѣдующіе два дня не болѣе какъ на разстояніи пущечнаго выстрѣла отъ непріятеля, а повому видѣлъ все самъ и могъ обо всемъ самъ судить. Верховный визирь не былъ въ Татарицѣ, ни во время сраженія, ни въ послѣдующія два дня, а имѣя при себѣ отъ 9,000 до 10,000 человекъ подъ ружьемъ, находился въ Капакли. Стоило только посмотрѣть на карту, чтобы удостовѣриться въ несправедливости бредней барона Г.... Погода во всѣ тѣ три дня была, правда, весьма холодная, но время было, какъ днемъ, такъ и

ночью, весьма ясно: итакъ, я долженъ полагать, что безпорядокъ и туманъ находились только въ головѣ барона Г... тогда, когда онъ все сіе вамъ рассказываетъ. Тѣмъ не манѣе, оскорбительно для человѣка, проведшаго всю жизнь свою на службѣ государя и отечества и достигнувшаго до степени главнокомандующаго арміею, видѣть себя осужденному по сказкамъ безмысленнаго молодососа...

„Такимъ точно образомъ тронуло меня до безконечности выраженіе вашего сіятельства, что вы надѣетесь, что все будетъ *возмразждено* при открытіи новой кампаніи. Разсужденіе такое можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда предшествовали упущенія, которыя мнѣ однакожь неизвѣстны. Я могу согласиться въ томъ, что недостатокъ моего ума, моей проницательности и моихъ свѣдѣній въ искусствѣ воинскомъ не позволилъ мнѣ, при всей доброй моей волѣ, обнаружить тѣхъ упущеній. Но если оныя были, какъ вы предполагать изволите, въ такомъ случаѣ ваше сіятельство дали бы мнѣ отличный опытъ благожелательности вашей ко мнѣ, когда бы ходатайствомъ вашимъ испросили у Государя Императора назначенія на мѣсто мое другое, который бы, согласно съ желаніемъ вашимъ, предводительствовалъ арміею съ большими успѣхами. Невзирая на неограниченное мое усердіе къ службѣ Его Величества, я отнюдь не хочу быть причиною упущенія пользы государственной тамъ, гдѣ тонное и строгое соблюденіе оной необходимо нужно. Я же готовъ служить моему Государю тамъ, гдѣ Онъ признаетъ мои способности достаточными къ исполненію Его воли.“

Поставя войска на зимнія квартиры и распорядившись обезпеченіемъ продовольствія арміи, князь Багратионъ занялся составленіемъ плана и предположеній къ весеннему походу противъ турокъ. Боясь упустить что-нибудь изъ вида, онъ просилъ сообщить ему письменныя предположенія объ этомъ корпусныхъ командировъ и начальниковъ артиллеріи и инженеровъ. Всѣ были согласны и предполагали открыть будущую кампанію переправую черезъ Дунай у крѣпости Журжи и движеніемъ на Шумлу. То же самое предполагалъ, какъ мы уже видѣли, и самъ князь Багратионъ.

Представляя свой операционный планъ императору Александру, князь Багратионъ не могъ перенести возводимыхъ на него обвиненій: онъ просилъ объ увольненіи его отъ званія

главнокомандующаго молдавскою армію, по разстроенному здоровью, требующему серьезнаго леченія.

„Когда я былъ еще въ Гирсовѣ—писалъ князь Багратионъ графу Аракчееву (87)—дали мнѣ знать, что адъютантъ вашего сіятельства прибылъ въ Фокшаны съ извѣстіемъ, что и вы скоро придете въ армію. Признаюсь искренно, что я не къ себѣ былъ отъ радости, дабы васъ видѣть здѣсь и лучше обо всемъ изъясниться, и для того отправилъ къ вашему сіятельству немедленно на встрѣчу адъютанта моего Давыдова, прямо до Кіева. Съ нимъ имѣлъ честь писать къ вамъ и просилъ, дабы вы мнѣ не мѣшали принять васъ по всей дистанціи и въ городахъ какъ должно по сану вашему, ибо я очень знаю, какъ должно принимать начальниковъ.

„Но, къ прискорбію моему, освѣдомился, что адъютантъ вашъ уѣхалъ, такъ что даже и со мною не повидался. Отъ вашего же сіятельства я получилъ изъ Петербурга депешу. Я, любя васъ и почитая, ссылаюсь на вашу справедливость: пріятно ли мнѣ то, что со мною такъ поступаютъ. Я васъ увѣряю, что у меня нѣтъ секрета съ вами ни съ которой стороны, а наче по части воинской. Если бы адъютантъ вашего сіятельства заѣхалъ ко мнѣ хотя на часочекъ, онъ бы больше и вѣрнѣе получилъ отъ меня свѣдѣнія по всемъ частямъ, нежели въ Фокшанахъ отъ тамошнихъ комендантовъ и исправниковъ. Признаюсь отъ души и сердца моего и сколько я васъ почитаю, это крѣпко меня обижаетъ. Къ тому же получилъ я отъ государственнаго канцлера графа Николая Петровича Румянцева весьма непристойное замѣчаніе въ разсужденіи сраженія подъ Татарицею, противъ войскъ верховнаго визиря, что ему разсказывалъ мальчишка баронъ Г.... Изъ сего я заключаю, что заслужилъ гнѣвъ Государя Императора невиннымъ образомъ. И сіе самое не только огорчаетъ меня, но даже съ прискорбіемъ долженъ просить ваше сіятельство всепокорнѣйше, дабы вы исходатайствовали мнѣ отсюда увольненіе, а на мѣсто мое прислали бы другаго, который бы лучше повелъ какъ военныя операціи, такъ и внутреннія дѣшнія правленія. Я, ваше сіятельство, человѣкъ самый посредственный, и, слѣдственно, разсудокъ мой можетъ и не простираться далѣе сей черты. Я не признаю, чтобы я сдѣлалъ унущеніе въ прошломъ году за Дунаемъ, а графъ

(87) Собственноручное письмо отъ 14-го января 1810 года. Арх. военно-топографическаго депо, № 15,695. Lit. D. № 7.

Румянцевъ то видитъ и даетъ мнѣ сильныя замѣчанія, съ тѣмъ, чтобы я исправился. Мнѣ сіе не токмо грустно, но такъ больно; что и описать вамъ не могу, и, дабы болѣе не сдѣлать ошибокъ, прошу одной милости—дабы я былъ уволенъ, для излеченія бо-лѣзни, хотя на 4 мѣсяца. Я истинно боленъ, однако на сихъ дняхъ поѣду въ Краіовъ, дабы въ половинѣ февраля переправить отрядъ генераль-маіора Исаева, изъ малой Валахія за Дунай, и по возвращеніи надѣюсь на Высочайшую милость Государя Императора, который позволитъ мнѣ отъѣхать, тѣмъ паче, что ничего я не испортилъ и никто меня не разбилъ. Я болѣе хотѣлъ разбить верховнаго визиря, нежели графъ Румянцевъ, но не могъ. Если бы баталіи выигрывать было легко, тогда онѣ не были бы и диковинкою. Мнѣ кажется, лучше воевать противъ непріятели, нежели противъ меня и общаго блага. Вотъ моя мысль. Простите мое чистосердечіе.“

Императоръ Александръ согласился на просьбу и назначилъ, въ февралѣ 1810 года, на мѣсто князя Багратиона, графа Каменскаго, прославившаго свое имя въ Финляндіи и Швеціи. Получивъ увольненіе, князь Багратионъ оставилъ армію и уѣхалъ изъ Бухареста въ Россію, а потомъ за границу, съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ.

Съ тѣмъ же самымъ барономъ Г...., такъ жестоко его обвинившимъ, онъ послалъ послѣднее письмо министру иностранныхъ дѣлъ.

„Баронъ Г....—писалъ онъ—даетъ мнѣ пріятный случай засвидѣтельствовать вашему сіятельству глубочайшее мое почтеніе. Съ нетерпѣніемъ я ожидалъ паспорта за границу, дабы у водъ поправить здоровье, но, къ несчастію моему, и поднесъ не получилъ. Сіе самое заставляетъ меня поспѣшить пріѣздомъ въ Петербургъ, гдѣ я удостоюсь принести лично вашему сіятельству ту благодарность, которую всегда къ вамъ имѣлъ и имѣю.“

„Касательно здѣшнихъ обстоятельствъ, съ одной стороны *можетъ вамъ довести сей подноситель*, а съ другой, безъ всякаго сомнѣнія, рѣшить графъ Каменскій, ибо я оставилъ ему армію въ такомъ порядкѣ, что лучше быть невозможно, къ тому же время весеннее, а не зима. Отъ Измаила до Базарджика, отъ Мачина до Силистріи мною все очищено! Сверхъ того, столько переправъ ему оставилъ, сколько угодно; я же не потерялъ ни-гдѣ почти ничего. Хотя, къ общему сожалѣнію, и напали на

меня, единственно для того, чтобы не дать мнѣ начатое окончить, но я радъ и другому, ибо я русскій... все равно, дай Боже больше хорошихъ генераловъ: они намъ весьма нужны. Только донесу вамъ откровенно, что военныя операціи не математика....

„Хотя ваше сіятельство изводите сѣтовать на меня, но я, зная вашу прозорливость, увѣренъ, что отдадите современемъ мнѣ справедливость; буде же я упустилъ что, по мнѣнію вашему, въ прошлой кампаніи, то нынѣ вознаградишь графъ Каменскій, по вышесказаннымъ способамъ. Но ежели смѣю сказать, то напрасно графъ (Каменскій) Исаеву не позволилъ продолжать ту операцію, которую я началъ съ сербами: жалется, они весьма огорчены. Впрочемъ, какъ и выше сего сказалъ, личное свиданіе дастъ мнѣ лучшій случай вамъ все объяснить.“ (88)

Свиданіе однакожь не послѣдовало. Князь Багратионъ не былъ въ Петербургѣ: онъ прямо проѣхалъ въ Вѣну.

Такъ кончилась дѣятельность князя Багратиона, въ званіи главнокомандующаго молдавскою арміею. Справедливость требуетъ сказать, что если онъ и не успѣлъ принудить турокъ къ заключенію мира, то все-таки, съ тѣми средствами, которыя были въ его распоряженіи, онъ сдѣлалъ на столько много, на сколько это было возможно. Онъ пріѣхалъ въ армію тогда, когда мѣсто переправы черезъ Дунай было избрано и даже часть войскъ была уже переправлена. Отъ него требовали быстрыхъ дѣйствій, вслѣдствіе чего онъ не могъ ни размѣстить войска такъ, какъ бы ему хотѣлось, ни перемѣнить расположенія магазиновъ; онъ долженъ былъ двигаться и двигаться впередъ, какъ этого желало наше правительство, да и самое время требовало поспѣшнѣйшихъ дѣйствій для пріобрѣтенія чего-нибудь положительнаго. Несмотря однакожь на всѣ невыгодныя обстоятельства, его двухмѣсячный походъ носитъ на себѣ отпечатокъ рѣшительныхъ и быстрыхъ дѣйствій. Овладѣніе Мачиномъ, Кюстенджи, Гирсовомъ, дѣла при Рассеватѣ и Татарицѣ, паденіе Измаила и Браилова — твердые защитники князя Багратиона отъ всѣхъ на него нареканій....

Н. ДУБРОВИНЪ.

(88) Отъ 24-го апрѣля 1810 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.